

Юрий Ермолаев

106

Юрий Ермолаев

106
ПРОПАВШИХ
ЧАСОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ·
МОСКВА 1965

Дорогие ребята! Вам, наверное, приходилось слышать, как кто-нибудь из взрослых с огорчением восклицал:

— У меня целый час пропал!

А вот у трех веселых друзей — Вовы, Васи и Тимки — героев этой маленькой повести, пропали не час или два, а сто шесть часов. Пропали так, будто их совсем не было!

О том, чем были заняты друзья все это время, какие они совершили поступки, как отличились, и рассказывает эта повесть.

Х у д о ж н и к
В. Ю Р Л О В

В С Е М ! В С Е М ! В С Е М !

Все-таки великая вещь режим дня! Правильно делают знаменитые люди, что строго выполняют его. Может, потому они и стали знаменитыми. Самое главное в режиме дня, по мнению Вовы Чуркина, вовремя вставать. Силу этого пункта он испытал сам на себе. Встанет в семь часов, как в режиме указано, и весь день у него спокойный. А стоит хоть немного поваляться в постели, как начнется такой переполох, прямо голова кругом идет. Весь день потом торопится: бросает одно, берется за другое и ничего не успевает.

Всего четыре дня прошло, как начался новый учебный год, а Вова уже два раза опоздал в школу. А ведь теперь опаздывать совсем не так просто, как в прошлом году. Тогда, в четвертом «А», с ними занималась одна Нина Сергеевна. Вова привык к ней, как к родному человеку. Опоздает на урок и начнет всякую чепуху молоть, до тех пор мелет, пока Нина Сергеевна не скажет:

— Садись, Чуркин, тебя не переслушаешь!

А теперь на каждом уроке новый учитель. И все совсем чужие люди. Классная руководительница — учительница немецкого языка Евгения Федоровна — тоже еще чужая. Правда, вчера Вова все же нашел с ней общий язык. Опоздал в класс и, пока шел первый урок, узнал у старшеклассников, как будет по-немецки «извините меня, пожалуйста». А чуть раздался звонок, сразу к Евгении Федоровне:

— Энтшульдиген зи михь, битте!

Евгения Федоровна очень обрадовалась. Даже не стала отчитывать Вову за опоздание. Но ведь во второй раз такое извинение уже не выручит. А вставать вовремя все так же трудно. Вот и сегодня поднялся Вова всего на несколько минут позже, чем положено, а из-за этого они с Васей прибежали в школу перед самым звонком и не узнали, что передавало школьное радио. Сообщали о чем-то важном. Все ребята говорили про какое-то обращение к пионерам, чему-то радовались, а они ничего не понимали.

Только хотели спросить у кого-нибудь из одноклассников, что это за обращение, прибежала Рая Соркина и, точно пулемет, застрекотала:

— В пятом «Б» Евгения Федоровна вчера весь урок спрашивала, что в первый день объяснила. Отметки ставила! Это чтоб мы отдых себе не устраивали и с первых дней за учебу брались. Я хоть учила, а ничегошеньки не помню. Ой, девочки, что же будет!

Все всполошились и начали листать учебники немецкого языка. Вове с Васей тоже стало не до выяснений. Принялись зубрить примеры на длинные и краткие звуки. Что скрывать, в начале года даже отличники и те не сразу за уроки берутся. Про сообщение решили выяснить на перемене.

Но только вышли после звонка из класса — школьное радио снова заговорило.

— Вни-ма-ние! — четко и как-то особенно торжественно произнес диктор Витя Гловтов. — С завтрашнего утра, ровно в девять часов ноль-ноль минут по московскому времени наша дружина отправится в месячный рейс, навстречу всесоюзному соревнованию пионерских отрядов. — И уже спокойнее Витя сказал: — У нашего микрофона председатель совета отряда пятого класса «А» Оксана Чернушенко.

— Ой, наша Клякса-Вакса! Надо же! — не выдержал Вова.

Он всего три дня назад прозвал так Оксану. У нее были большие черные глаза, как две черносливовины. Не глаза, а настоящие кляксы! (В прошлом году Вова этого не замечал.) А ваксу он прибавил просто для рифмы.

В репродукторе раздался какой-то треск, а за ним послышался взволнованный и потому очень высокий голос Оксаны:

— Ребята, это замечательно — соревноваться на лучший пионерский отряд в стране! Мы уже решили, что каждый пионер нашего класса соберет столько макулатуры, сколько нужно бумаги на все его книги и тетради до конца учебного года. Придумаем и другие интересные дела. Будем стараться изо всех сил. Мы ведь задумали к старту соревнований стать лучшим отрядом в школе.

— Желаю вам успеха! — сказал диктор Витя Глотов и объявил: — Экстренный выпуск пионерских новостей окончен.

По радио зазвучала песня «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» в исполнении детского хора.

Вася потянул Вову к своим одноклассникам: надо же узнать, что это за соревнование на лучший пионерский отряд и сколько им нужно собрать макулатуры. Должно быть, ребята говорили об этом перед уроками. Но Вова идти в класс не спешил. Узнать, какое объявлено соревнование, они еще успеют, а сейчас ему захотелось погордиться перед ребятами из других классов. Ведь

это их председатель только что выступил по школьному радио и торжественно заверил всех, что они будут лучшими в школе. Вова небрежно хлопнул по плечу стриженного мальчугана и сказал ему громко:

— Это наш председатель по радио выступал, слышал, что она сказала? Мы всех опередим!

— Мало ли что сказать можно! — возразил стриженный.

— Ах ты, шпингалет! — рассердился Вова. — Да я тебя...

— Только попробуй, — предупредил мальчуган, — соревнование проиграть захотел?!

«Это еще почему!» — чуть не вырвалось у Вовы. Хорошо, что не спросил. Выдал бы себя с головой, что условий соревнований не знает. Вова оставил мальчика и побежал вместе с Васей в свой класс.

— Я тебе говорил! Сначала все выясни, а потом рассуждай, — торопясь за ним, пыхтел толстяк Вася. Недаром Вова прозвал его Пончиком.

В коридоре третьего этажа приятели подошли к самому тихому ученику их класса Андрюше Хромову, надеясь все узнать у него. Но Вова даже не успел рта раскрыть, как обычно молчаливый Андрюша вдруг воскликнул:

— Здорово придумали, верно?

— Еще бы! — озадаченно протянул Вова и отошел от Андрюши: путь к выяснению был отрезан.

С длинным, как жердь, редактором отрядной

стенгазеты Жорой Мешалкиным Вова решил действовать уже дипломатично. Он сам постарался вызвать его на откровенный разговор.

— А здорово мы придумали с этим соревнованием, как ты считаешь? — спросил он у Жоры.

Жора посмотрел на Вову поверх очков и, усмехнувшись, сказал:

— «Мы пахали»!

Вова с Васей не были такими начитанными людьми и не знали басню Крылова «Вол и муха», поэтому не поняли Жориной насмешки и в один голос спросили:

— Где мы пахали?

— Когда?

— А ну вас! — отмахнулся Жора и, достав из кармана свой блокнот, стал что-то записывать в него. Друзья всегда испытывали к этому блокноту неприятное чувство. Они переглянулись и решили, что всего лучше оставить Жору в покое.

— Надо все у Райки выяснить! — хлопнул себя по лбу Вова. — От нее больше, чем нужно, узнаем.

— Верно! Известная трещотка! — обрадовался Вася и принялся искать Раю.

Соркина слыла в классе первой болтуньей. Уж она не заставит себя долго просить. Сама все первая выложит, без наводящих вопросов. Но Рая точно сквозь землю провалилась. Ни в коридоре ее не было, ни в учительской, ни в пионерской комнате.

— Она же в классе дежурит! — вспомнил Вася.

Мальчики направились в класс, но у дверей их остановила Оксана.

— Не вздумайте больше опаздывать в школу,— строго предупредила она и, не дожидаясь ответа, спросила: — Вы слушали радио? Я очень волновалась?

— Не так уж,— успокоил Вася,— голос чуть дрожал. Но это даже лучше, когда говоришь взволнованно.

Вова был очень недоволен, что всегда медлительный Пончик на этот раз высказался первый. Он бросил на него сердитый взгляд и буркнул Оксане:

— Он тебя раскрыв рот слушал!

— А ты-то как? — пошел в наступление Вася. Но тут к ним подбежал староста класса Олег Ильин и, переведа дыхание, сказал:

— Ну, ребята, держитесь! Пятый «Б» тоже принял решение выйти к старту соревнований на первое место. Как бы они нас не обскакали.

УЧЕБОМОМЕТР НЕ НУЖЕН

Ну и суматошный день был сегодня! Из-за него у Вовы с Васей все планы рухнули. Хотели после школы пойти в кино, а потом до вечера мяч во дворе погонять, а теперь нельзя. Нужно было за уроки садиться и выучить не только то, что к завтрашнему дню задали, а и то, что вчера и позавчера не учили.

«Соревноваться на лучший пионерский отряд во всей стране — дело не шуточное, — размышлял Вова, лежа на тахте и дожидаясь своего друга Пончика, с которым он всегда делал уроки. — Вдруг этим отрядом в самом деле станем мы! — У Вовы даже мурашки по спине пробежали. — А что? Сначала будем первыми в школе, потом в районе, в области, в республике и, наконец, в стране! Тогда в Артек поедем. Так в условиях соревнований сказано: лучший в стране отряд едет летом в Артек. Прославимся, как космонавты! Не будь такого соревнования, можно было бы и сего-

дня ничего не делать, поставят двочку — не беда. Год-то только начался. Успеем исправиться. А теперь год ни при чем. Каждый день, даже урок большое значение имеет. Чтоб соревнование выиграть, надо уже к старту соревнований как следует показаться».

За себя Вова не волновался. Он человек твердый, что решил, то и сделает. А вот за Пончиком глаз да глаз нужен. Ленивый он, ужас! В прошлом году еле в пятый класс перешел. По арифметике плохо соображает и заучивать ничего не любит. Для него легче пуд соли съесть, чем стихотворение запомнить. Мысли Вовы прервал заливистый и такой продолжительный звонок, что несведущие люди могли подумать: произошло замыкание проводов. Но Вова хорошо знал, что никакого замыкания нет. Это звонил Пончик. У него была удивительная привычка: нажмет кнопку звонка и не отпускает до тех пор, пока не откроют.

Как-то Вова спросил его:

— Зачем ты так звонишь? Хулиганишь, да?

Пончик надулся. Разве он хулиган? Ленивый — может быть, а чтоб хулиганить — это за ним не водится. Просто не хочется сто раз тянуть вверх руку.

— Нажал и подожду, пока не откроют, — объяснил он, — мне не к спеху.

После этого Вове очень захотелось испытать Васино терпение. Сколько он продержит кнопку? Час, два?! Но Вове это никак не удавалось. Он и

сейчас не хотел торопиться открывать, но звонок неожиданно смолк: Васа открыла соседка.

«Вечно не в свое дело вмешивается, — огорчился Вова, — ведь нам один звонок, а не ей».

Дверь открылась, и к Вове в комнату вошел с толстым портфелем Пончик. Васа не менял учебники и тетради согласно расписанию уроков, а таскал каждый день в школу все сразу. Однажды Вова не принес в школу какую-то тетрадь, и Васа с гордостью сказал ему:

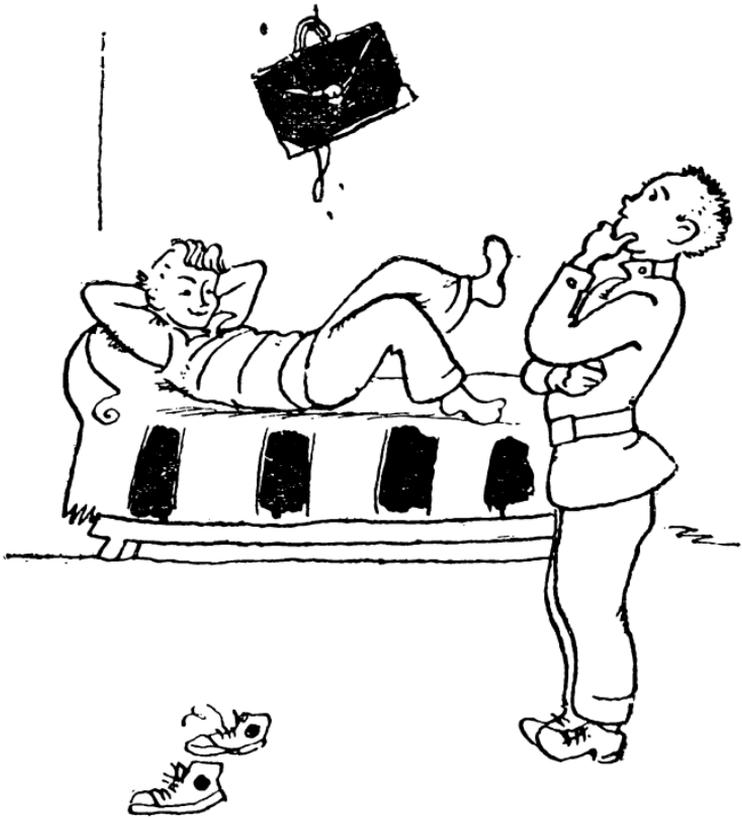
— Брал бы пример с меня. Уж я дома ничего не забуду. Все здесь, — и похлопал рукой по своему раздутому портфелю.

Пончик положил портфель у стула, сел и стал молча дожидаться, что скажет ему Вова. Он не любил много говорить, больше нравилось слушать. Вову же, наоборот, хлебом не корми, дай порассуждать, высказать свое мнение. Именно эти свойства характеров и укрепили их дружбу.

— Ты подумал о том, что мы сделаем на выставку? — спросил Вова Пончика после небольшого молчания.

— На какую выставку? — спросил в свою очередь Пончик.

— Вот те раз! — укорил его Вова. — Разве ты не слышал? Оксанка на большой перемене говорила, что через месяц, в день старта соревнований, в дружине откроется выставка наших самоделок. Как по-твоему, должны мы в ней участвовать или нет?

Пончик пожал плечами, после чего Вова решительно заявил:

— Обязательно должны! Мы с тобой учимся не так уж хорошо, поэтому нам надо отличиться на выставке.

— Как же мы отличимся? — спросил Пончик.

— Сделаем модель учебомометра.

— Это что за птица? — удивился Вася.

— Это не птица, а наше с тобой изобретение. Оно поможет всем двоечникам стать отличниками. Ясно? Конечно, мы с тобой такую машину сами не сделаем. Мы сделаем только модель, вложим в нее свою идею. А когда к нам в школу придет корреспондент городской газеты, попросим его написать о нашем учебомометре статью. Ученые прочтут ее и рассчитают все, как нужно.

— Что рассчитают-то? — спросил Пончик. — Ты толком объясни.

— А! «Объясни»! — обрадовался Вова, что учебомометр заинтересовал его друга. — Ты про науку кибернетику, конечно, слышал?

— Это когда машина с человеком в шахматы играет? — сказал Пончик.

— Точно! — подхватил Вова. — Вот и наше изобретение станет для всех двоечников вроде арифмометра для бухгалтеров. Поэтому я и назвал его учебомометром.

— Хорошо бы такую машинку иметь, — согласился Вася.

— Мы с тобой ее в первую очередь получим, как изобретатели, — сказал Вова, — я пока тебя

дождался, уже чертеж обдумал. Вот смотри,— Вова взял листок бумаги и карандаш,— на металлическом щитке располагаем всякие цифры. Самые верхние цифры будут означать расстояния, то есть километры. Другие, пониже,— предметы или вещи: гвозди, ящики...

— И мешки с мукой,— вставил Вася,— про мешки знаешь сколько задачек!

— Верно! — поддержал Вова.— И все эти цифры при помощи рукоятки будут взаимодействовать. Вот, к примеру, надо нам узнать, сколько мешков муки перевезли за три часа пять грузовиков, если каждый, ну и так далее... мы засекаем на щитке нужные цифры, крутим ручку и, пожалуйста, решение выскакивает из щитка, как чек из кассы. Садись и переписывай.

— Легко решается,— сказал Вася и спросил: — А вдруг ученые, вроде нашей Евгении Федоровны, скажут: надо своими мозгами шевелить. Нечего на машину рассчитывать.

— Не скажут, потому что это изобретение всех двоечников отличниками сделает. Знаешь, как успеваемость в школе повысится. Ведь такие машины по любому предмету можно придумать. Помести на щитке вместо цифр буквы с запятыми да точками, и любой диктант без ошибок напишешь.

— Так тебе и дадут учителя в эту машину на уроках заглядывать,— возразил Пончик.— Сразу двойку поставят. Уж лучше без всякой машины у Оксанки списать.

— Это верно,— подумав, согласился Вова и сказал: — Пожалуй, не стоит на выставку такую машину делать. Выставка-то в честь старта соревнований будет. Олег карманный радиоприемник на нее делает. Снежков хвалился, что он, вроде мастера Левши, мамину брошку — бирюзовую стрекозу с драгоценным камнем — летающей делает. А мы что принести собрались? Механическую шпаргалку. Позор! Как мне это самому в голову не пришло. Вот бы осрамились.— И, немного подумав, Вова опять загорелся: — Нам надо сделать проект машины, которая сможет предсказывать будущее. Подвигал рычажками и узнал, что тебя ждет через год или месяц.

— Ни к чему это! — вздохнул Вася.— Еще узнаешь, что работу на лето получил или остался на второй год.

— Эх, ты! — усмеялся Вова.— Разве не интересно знать, выиграем мы это соревнование или нет.— И он хитро подмигнул Васе.— Если выиграем, сегодня можно было бы уроки не учить.

— Хорошо бы сегодня уроки не учить,— мечтательно сказал Пончик, но, сменив улыбку на новый вздох, добавил: — Только если не выучим, неприятности будут!

— Вот именно! — подхватил Вова и достал из портфеля задачник.

Учить уроки вместе приятели стали еще в прошлом году, после классного собрания, на котором им крепко досталось за полученные двойки.

Возвращаясь в тот день домой, Вова предложил Васе:

— Ты одно знаешь, а я другое, давай вдвоем уроки делать, чтоб легче было.

— Давай,— согласился Вася и позвал Вову к себе. Он считал, что у него заниматься удобнее: некому будет придирааться. У Вовы мама работала тогда на заводе в ночную смену, днем была дома и уроки проверяла очень строго. Если были помарки, заставляла переписывать и при этом обязательно вспоминала Вовиною отца, который всего год назад умер от ран, полученных на войне. Говорила, какой он был деловой, аккуратный, и жалела, что сын совсем не в него. Такое даже товарищу неприятно слышать. А Пончик жил с бабушкой. Родители у Васи работали далеко, на Севере. Домой приезжали только летом. А бабушка была добрая и, как подметил Вова, «быстроотходчивая». Чуть рассердится, вспыхнет, как спичка, и, как спичка, тут же потухнет. Хорошая бабушка!

Но в этом учебном году обстановка изменилась. Мама у Вовы уже давно работала только днем, и до вечера Вова был в своей комнате полностью самостоятельным хозяином. Теперь учить уроки друзья решили у Вовы. Без бабушки все-таки спокойнее.

Перелистав несколько страниц, Вова поморщился:

— Опять в задачке эти проклятые поезда встречаются. У меня на ракеты и космические

корабли хорошо задачки выходят. А на поезда не получают.

— Нам на космические корабли никогда и не задавали,— сказал Вася.

— Знаю, что не задавали, а то бы в момент решил,— выпалил Вова,— про ракеты все знать интересно. А что удивительного в поездах? Едут по рельсам, и все! — Он еще раз поморщился и, подперев лоб ладонью, стал читать вслух условие задачи.

— Привет будущим отличникам! — появляясь в окне, пискнул тенорком худенький мальчик с рыжим ежиком волос на голове.

— А, Лисичкин,— посмотрел на него Вова,— чего уроки не учишь?

— Я уже,— ответил Боря Лисичкин,— занимаюсь согласно режиму дня с полчетвертого до пяти, а теперь время гулять.

— А у нас другой режим. И не мешай нам,— сказал Вова.

— Вам теперь что мешать, что не мешать — все равно,— весело засмеялся Лисичкин.

— Как это «все равно»? — спросил Пончик.

Лисичкин сделал большие глаза:

— Разве вы про новичка ничего не слышали?

— Про какого новичка? — разом оставили учебники Вова с Васей.

— Про новичка-второгодника,— с нескрываемой радостью сообщил Борька,— завтра он придет к вам в класс.

— Откуда ты взял это? — не поверил Вова.

— Своими ушами слышал, как его мать с вашей Евгенией Федоровной говорила,— заверил Лисичкин,— тут и наш Сергей Сергеевич стоял. Я сначала даже перепугался. Думал, этого второгодника к нам, в пятый «Б», берут. Но его к вам записали. Теперь вы с ним повозитесь,— и Борька притворно посочувствовал:— Зря вы с обещанием поторопились. На всю школу объявили: «Лучшими будем». Самим же краснеть придется.— И, спрыгнув с фундамента, Лисичкин исчез так же внезапно, как и появился.

Вова и Вася переглянулись. Услышать про новичка-второгодника было неприятно.

— Может, врет Лисичкин,— с надеждой в голосе сказал Пончик,— разыгрывает. Я, например, о новичке ничего не слышал.

— Потому и не слышал, что делами класса мало интересуешься! — накинулся на него Вова.

— Будто ты слышал? — усомнился Пончик.

— Не слышал, но я предчувствовал, что случится что-то неожиданное. Так и вышло! — сказал Вова. — А за этим Лисичкиным разве угонишься. Он всегда раньше других все узнает. Уж такой человек. Вот ты за четыре дня ученья сколько раз в учительской был?

— Один. Евгения Федоровна за журналом посылала.

— Видишь. Один раз, и то тебя посылали. А Борька в день раз пять в учительскую нос сунет. То Глобусу карту с урока отнесет, то что-нибудь у классного руководителя спросит. Вот услышал и сразу прибежал людей расстроить. Он это любит, — Вова сокрушенно покачал головой, — теперь, как ни старайся, все равно нас новенький на последнее место откинет.

В передней раздался звонок, но расстроенные мальчики даже не обратили на него внимания.

— Только за ученье взялись — и такая неприятность! — сокрушался Вова.

В дверь постучали, и сейчас же в комнату ворвалась бойкая и веселая Оксана Чернушенко. Следом за ней степенно вошли коренастый крепыш староста Олег Ильин и редактор стенгазеты Жора Мешалкин. Вова поморщился. Он еще с прошлого года недолюбливал очкастого редактора. Уж очень тот допекал его всякими пословицами да крылатыми словечками, пущенными в его адрес. Но приход совета отряда был кстати. Сейчас Вова все точно выяснит.

— Добрый вечер, мальчики,— поздоровалась за всех Оксана и стрельнула своими черными глазами в сторону стола, на котором лежали тетради.— Занимаетесь! Вот это хорошо! Все получается? А мы решили пионерский рейд провести. Если у кого что не выходит, объясним.

— Объяснить, говорите, пришли,— усмехнулся Вова,— ну так объясните, почему вы никому не сказали, что нашему отряду грозит беда?

— От чужих людей узнаём,— добавил из-за его спины Вася.

— Что узнаете? Какая беда? — встрепенулась Оксана. Все, что касалось отряда, она очень близко принимала к сердцу. А редактор Журка рассмеялся и сказал в рифму:

— Никаких бед у нас пока нет! Можете не волноваться и продолжать заниматься.

— Редактор, а новости узнаёшь последним, — поддел его Вова.— Про новичка-второгодника что-нибудь слышал?

— Про какого второгодника? — с испугом спросила Оксана.

— Кто его знает, какого? Может, рыжего, а может, седого. Потому что по два года в каждом классе сидит,— отрезал Вова.

— Будет огород-то городить,— рассердился Жора. Он не переносил, когда при нем кто-нибудь пытался острить.— Гремят, точно пустые бочки!

Тут даже Вася не выдержал:

— Это мы-то пустые?! — Он хлопнул себя по лбу и замахал учебником истории перед носом

Жоры.— Да мы сегодня... точно древние греки в каменоломнях, даже от кино отказались,— и замолчал с открытым ртом, не зная, чем закончить фразу.

— Верно, Пончик! — поддержал его Вова.— Мы сегодня знаете как занимались?! Сели согласно режиму дня ровно в семнадцать часов. И первую задачку уже почти решили.

— Ну и молодцы. Занимайтесь дальше,— сказал Жора.

— Мы бы всё на пятерку выгучили, если б новичок настроение не испортил. Ну, зачем его ж нам в класс берут?!

— Послушай, Чуркин, от кого ты узнал про новичка? — спокойным тоном спросил Олег.— Мы в самом деле ничего о нем не знаем.

— Эх вы, руководители! — усмехнулся Вова.— Слушайте тогда, что вам рядовой одноклассник скажет.

ЛИСИЧКИН ДЕЙСТВУЕТ

Боре Лисичкину понравилось, как он напугал Вову с Васей новичком-второгодником.

«Лица у них сразу вытянулись», — вспомнил он. После этого Лисичкину захотелось рассказать о новичке и другим ребятам из Вовиною класса. Интересно, как они будут охать и ахать. Боря побежал во двор напротив, где тоже жили Вовины одноклассники. В воротах он повстречался с Сенею Снежковым — физоргом пятого «А». Конечно, Снежкову можно было тоже рассказать про новичка-второгодника, но Боря решил не делать этого. Еще неизвестно, как Сеня отнесется к такому сообщению. Вдруг накинется на него да чего доброго отлупит. Ведь у Сени старший брат настоящий боксер. Сеня все нокауты у него перенял. И еще Снежков самостоятельно изучает борьбу «самбо». Ручищи у Сени, точно клешни у рака, а кулаки Лисичкину кажутся с футбольные мячи. Такому лучше не попадаться. Одним словом, в во-

ображении худенького Лисичкина Сеня был школьный Илья Муромец.

Боря кивнул «Илье Муромцу» головой и прошел мимо, но его так и подмывало сказать про новичка. Когда Сеня был от него уже на почти-тельном расстоянии, Боря не выдержал и крикнул:

— Эй, Снежков! Поздравляю с новеньким!

— Каким новеньким? — спросил Сеня.

— Второгодником-двоечником! — выкрикнул Лисичкин и припустился наутек.

Сеня ничего не понял. Ради смеха он громко свистнул, а Лисичкин, точно подхлестнутый, припустил еще быстрее.

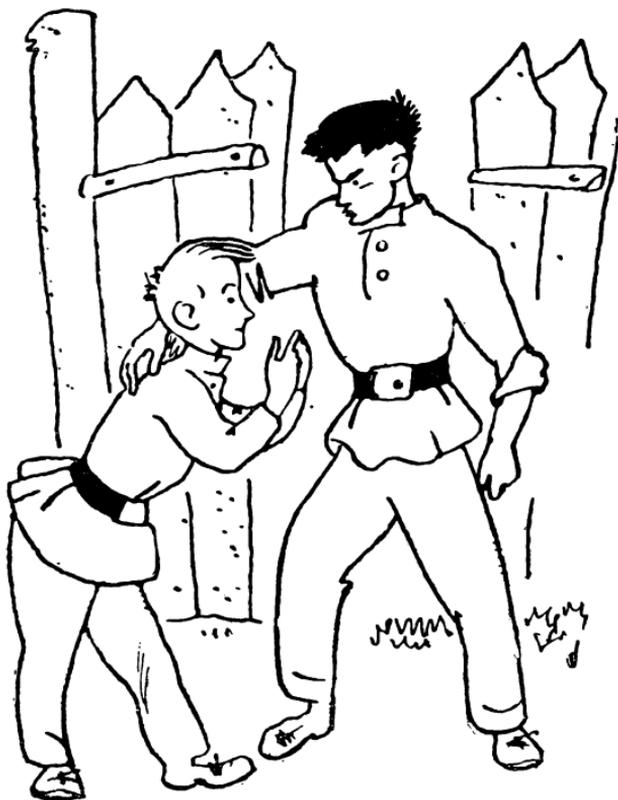
Сеня засмеялся и пошел вдоль забора. В конце его стоял автомат с газированной водой. Сеня и вышел из дома, чтобы выпить стакан газировки с вкусным малиновым сиропом. Он подошел к автомату и вдруг увидел, как у забора, почти рядом с ним, раздвинулись доски, и в образовавшуюся щель стал пролезать Лисичкин. Сеня подкрался к щели и схватил Борю за воротник. Тот сразу пригнулся и, не оглядываясь, захныкал:

— Ой, дяденька, простите, пожалуйста, я больше не буду в забор лазить. Честное слово.

— Я тебе покажу «дяденьку», — пробасил Сеня и повернул Лисичкина к себе.

— Это ты! — ахнул от изумления Боря и съезжился еще больше.

— Выкладывай, что за второгодника ты выдумал, — потребовал Сеня.

— Выдумал? — Лисичкин сделал обиженное лицо. — Да я сам все слышал. Его мать причитала в учительской: «Ох, и трудно моему Тимке ученье дается. Ох и трудно! Беззаботный он, а приглядывать за ним некому, все на работе. Вот и разболтался». И вашу Евгению Федоровну благодарила, что к себе в класс его взяла.

— А не врешь? — спросил Сеня.

— Очень нужно, — заморгал ресницами Борька, ругая себя за то, что связался с этим буйволом.

— Смотри, если обманул, я из тебя пахнет сделаю, — угрожающе произнес Сеня и, выпустив воротник Лисичкина из рук, быстро зашагал через улицу. Теперь было не до малинового сиропа. Надо немедленно пойти к Олегу. Узнать, что ему известно о новичке-второгоднике.

А у Лисичкина после встречи с Сеней, пропала всякая охота пугать новичком ребят из параллельного класса. Он заторопился домой. А то чего доброго вернется этот геркулес и отколотит его.

Но у самого дома Лисичкин увидел Раю Соркину. Тут уж утерпеть он не смог. Ведь Райка разнесет его новость с такой быстротой, что с ней может соперничать только всем известная игра «Беспроволочный телефон». Боря сделал таинственное лицо и поманил Раю к себе...

Обстановка в квартире Вовы Чуркина накалялась.

— Зачем нам новенький?!

— Что ж это получается! — кричали Вова с Васей.

— Может, это неправда! — возражал им совет отряда. — Лисичкин сочинять любит.

— Станет он такое врать!

В шуме даже не заметили, как вошел Сеня Снежков.

— Слышали новость? — спросил он необычным для себя, взволнованным голосом.

— Про новичка-второгодника? — мрачно сказал Вова.

— Наверняка у него и по физкультуре двойка! — вместо ответа воскликнул Сеня.

— А ты откуда узнал про новенького? — спросил Олег.

Сеня рассказал о встрече с Лисичкиным.

— Ребята, он нас разыгрывает,— убежденно сказал редактор Жора.

— Нет, верно говорит,— возразил Сеня.— Я сначала тоже так подумал, а как схватил его за шиворот и...

— Ой! — зажмурилась Оксана.— Час от часу не легче. Ты же обещал больше не драться.

— Я его пальцем не тронул,— возразил Сеня.— Только приподнял за воротник и сказал, что если он соврал, то в следующий раз я ему «мельницу» сделаю.

— Какую мельницу?! — не поняла Оксана.

— В борьбе «самбо» «мельницей» называется бросок противника через плечо,— с удовольствием объяснил Сеня.— Хочешь покажу?

— Подожди ты со своими бросками,— остановил его Олег,— что он тебе ответил?

— Сказал, что сам слышал разговор Евгении Федоровны с матерью новичка.

— И нам так говорил,— вставил Вова.

— И нам,— вторил ему Пончик.

— Ну что ж! Раз придет — ничего не сделаешь,— рассудила Оксана,— будем его вытягивать.

— А почему он к нам в класс придет?

— Почему к нам?! — завопили в один голос Вова с Васей.

Поднялся невообразимый шум. Каждый кричал что-то свое и никого не слушал. И тут вошла Рая Соркина. У этой девочки была удивительная способность приходить всегда в самый разгар событий. Рая встала в дверях и ни слова: пусть

ребята сами обратят на нее внимание, а уж тогда она скажет им эту удивительную новость. И чтобы не выпалить все сразу, Рая крепко сжала губы.

Но тут Жора поправил съехавшие на нос очки и, заметив Раю, ткнул в ее сторону авторучкой:

— Про новичка слышала?

— А ты... вы тоже знаете? — растерялась Рая. И ее лицо из таинственного и неприступного сразу стало скучным и огорченным.

— Ребята! — сказал Сенья. — У меня предложение. Надо узнать адрес новенького, сходить к нему домой и сказать, чтобы убирался в пятый «Б».

— Ура! — оживилась Рая. — Вот Лисичкину сурприз будет!

— Я присоединяюсь. Такое предложение не лишено смысла, — авторитетно произнес Жора.

— Может, лучше попросить об этом Евгению Федо-

ровну,— сказала Оксана,— пусть новенького возьмут в другой класс, который еще никаких обязательств не давал.

— Чудаки вы,— рассмеялся Сеня.— Евгения Федоровна не согласится, и все пропало. А новичку можно ультиматум поставить. Если он не будет соглашаться...

— Ты ему «мельницу» сделаешь, да? — возмущенно сказала Оксана.

— Сейчас это для нас не выход,— прекратил спор ребят Олег,— пусть даже Евгения Федоровна согласится с нами и новичка переведут в пятый «Б». А что после этого будут говорить о нас: тридцать шесть успевающих учеников испугались одного второгодника. А еще хотят к старту соревнований отличиться. Чем же мы отличимся? Тем, что от плохого ученика избавимся?

— А вдруг Лисичкин преувеличил? — воскликнула Рая.— Может, этот мальчик по какой-нибудь уважительной причине отстал. Болел долго или еще что.

— Так я и твержу об этом, давайте узнаем, что он за птица,— потребовал Вова.

— Давайте,— поддакнул Вася.

— Я сейчас сбегая к Евгении Федоровне,— с охотой предложила Рая,— спрошу, будто очень волнуясь, когда у нас по немецкому первая контрольная будет. А сама все-все разузнаю.

Рая бросилась к дверям, но Олег остановил ее:

— Зачем бегать, давайте позвоним по телефону.

— Правильно!

— Позвоним!

Жора принялся листать свой блокнот в поисках телефона.

— Вот! — обрадовался он.

Олег вышел в переднюю и начал набирать номер. Все обступили его и замолчали. Стало даже слышно, как шуршит телефонный диск. Сейчас все выяснится. А может, Евгения Федоровна сама уже что-то придумала. Кому хочется плохого ученика. Только не сделает она так. Евгения Федоровна в первый день занятий сама сказала ребятам, что любит преодолевать всякие «педагогические трудности». Вроде того, чтоб отучать ребят от разговоров на уроке или заставить двоечника стать хорошим учеником. Она статьи во взрослые журналы пишет, и такие ребята ей даже для примеров нужны.

Новичку просто повезло, что он попал в класс к такой учительнице. А вот ребятам...

Из телефонной трубки донесся протяжный гудок.

— Поговори-ка ты! Как женщина с женщиной, — сказал Олег и протянул трубку Оксане.

— Ой, — замотала она головой. — А с чего начать-то? Как спросить?

В трубке что-то щелкнуло, и Оксана замолчала.

— Евгения Федоровна, добрый вечер! — сказала она через несколько секунд и тут же повторила: — Гутен абенд, Евгения Федоровна. Ва...

Оксана Чернушенко звонит,— и, посмотрев на ребят, спросила: — Евгения Федоровна, это верно, что в нашем классе будет учиться новенький?

— Я! Я! (Да! Да!) — ответила Евгения Федоровна, и Оксана кивнула ребятам головой.

— Спроси, как он учится?

— Какие у него в прошлом году отметки были? — подсказали Вова с Васей.

— Евгения Федоровна, а как он в прошлом году учился?

Оксана молча выслушала довольно продолжительный ответ учительницы.

— Спасибо, Евгения Федоровна. До свидания,— и повесила трубку.

— Что она сказала? — нетерпеливо спросила Рая.

На миг задумавшись, Оксана повторила ответ учительницы слово в слово:

— Евгения Федоровна сказала так: «Ученик, который к нам придет, слабый. Но это не должно нас пугать. Мы будем стараться сделать его хорошим все вместе».

— Перспектива не из приятных,— философски заметил Жора.

— Повезло нам, нечего сказать,— усмехнулся Вова.

Ребята приуныли. Мало того, что у них в классе есть свои ненадежные вроде Вовы с Васей, придется еще с новичком-второгодником возиться. Даже спокойный Сеня Снежков заметно огорчился.

— Вот это нокаут, — сказал он.

ВОВА И ВАСЯ СТАНОВЯТСЯ З О О Л О Г А М И

Во дворе дома, где жил Вова Чуркин, было очень много сараев: маленькие и большие, длинные и короткие, они лепились друг к другу, и казалось, один сарай наступает на другой и тихонько теснит его. Среди сараев особенно выделялся серый, заросший снизу зеленовато-седым мхом. Он был, пожалуй, самый ветхий и прогнивший, но на его дверях висело три огромных замка. Такими замками запирают обычно в колхозах амбары с зерном. На каждом амбаре по замку. А на сарайчике, который был раз в десять меньше самого маленького амбара, висело сразу три замка. Вова и Вася, проходя мимо этого сарайчика, всегда лукаво переглядывались и загадочно подмигивали друг другу. Сарайчик принадлежал Вовиной соседке Алевтине Матвеевне. Но мальчики сделали его своим тайным убежищем. Вова с Васей проникали в сарай с задней стороны, где без всякого труда отнимались две доски. Сняв их, нужно

было лечь животом на землю и по-пластунски подтянуться в сарай. Вот и сейчас спереди сарайчик имел очень внушительный и неприступный вид, а сзади него слышалась возня и сдержанное сопение. Это сопел Вася. Вова уже успел влезть в сарайчик и помогал другу протиснуться в него.

— Поднажми чуток, Пончик,— просил он,— сожмись, как кошка в подворотне... Порядок! Фуу! — Вова пошарил снаружи руками и прикрыл дыру отнятыми досками.— Отсидимся здесь до конца уроков — и по домам.

Сарай погрузился в темноту. Только привыкнув к ней, ребята стали различать некоторые предметы: две бочки, козлы для пилки дров, сундук, пружинный матрац. В сарайчик проникали лучи света через щели и выбитые в досках сучки. Вова залез на бочку и удобно устроился на ней. Вася присел на козлы и глубоко вздохнул.

— Да успокойся ты! — махнул рукой Вова.— Ботаничка, говорят, близорукая. Мимо пройдешь — и то не заметит, а мы по другой стороне шли. И думает она все больше о всяком там черенковании да суперфосфатах. Не до нас ей было.

— Хорошо, если не заметила,— с надеждой проговорил Вася,— а то скажет Евгении Федоровне, что видела нас. Как мы потом отговоримся?

Вова ободряюще хлопнул Пончика по плечу и перевел разговор на другую тему:

— Наверное, ребята уже познакомились с новичком.

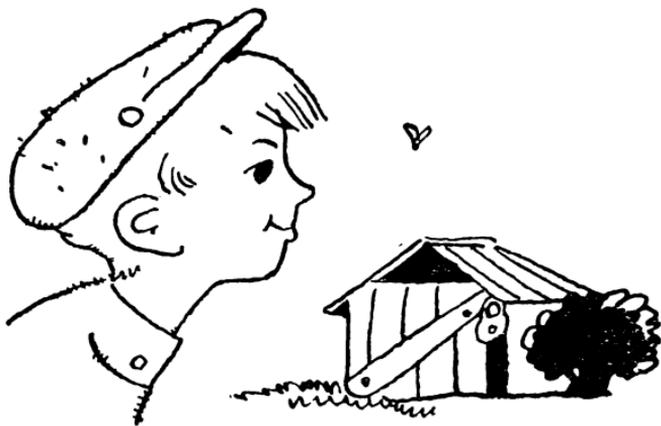
— Конечно, познакомились, — подтвердил Вася, — долго ли.

— Уж и обязанности между собой распределили: кому по какому предмету его подтягивать, — продолжал Вова.

— А все-таки зря мы в школу не пошли, — покачал головой Вася, — может, нас и не спросили бы.

— Нет уж, — возразил Вова, — сейчас рисковать нельзя — пусть лучше у нас в журнале стоят «НБ», чем двойки. Вот, Пончик, какой у меня характер: только ты вчера ушел, хотел я историю с ботаникой выучить. Да так из-за этого новичка расстроился, что ничего в голову не полезло.

— И мне ничего не полезло, — мрачно сказал Вася.

— Давай придумывать, что мы Евгении Федоровне скажем,— предложил Вова,— почему в школе не были. Надо такую причину придумать, чтоб нас не ругали, а даже, наоборот, сказали бы: молодцы!

— Это что прогуляли-то, молодцы?! — удивился Пончик.

— Не что прогуляли.— поправил его Вова,— а прогуляли потому, что сделали какое-то очень нужное дело. Ясно? Теперь так просто прогуливать нельзя.

— А что мы сделали? — спросил Вася. Но его вопрос заглушил шум грузовой автомашины. Она подъехала и развернулась совсем близко от сарайчика. Мальчики припали к щелям.

— Смотри-ка, твоя соседка вышла, разговаривает с шофером,— зашептал Вася.

— Из кабины мальчишка вылез,— комментировал Вова,— курносый-то какой! А мебель вся новая, блестящая! Ой! — Вова вдруг отскочил от щели.— Алевтина в сарай идет!

Мальчики схватили портфели и оба бросились за самый большой бочонок.

— Увидит! — определил Вова.— Лезем за ящик.

Друзья перебрались за ящик.

— Пригнись! Не двигайся! — шипел Вова.

Снаружи Алевтина Матвеевна загремела ключами.

— Может, не заметит,— прошептал дрожащими губами Вася и чихнул.

— Ты в уме! — возмутился Вова. — Зажми нос! Чихнешь — шум будет.

Дверь сарайчика отворилась, и в нем сразу стало так светло, что у друзей даже зарябило в глазах.

— Видите, сколько свободного места, — сказала кому-то Алевтина Матвеевна. — Ставьте куда хотите.

— Спасибо, — проговорил мужской голос, — мы как со всеми вещами разберемся, сразу освободим.

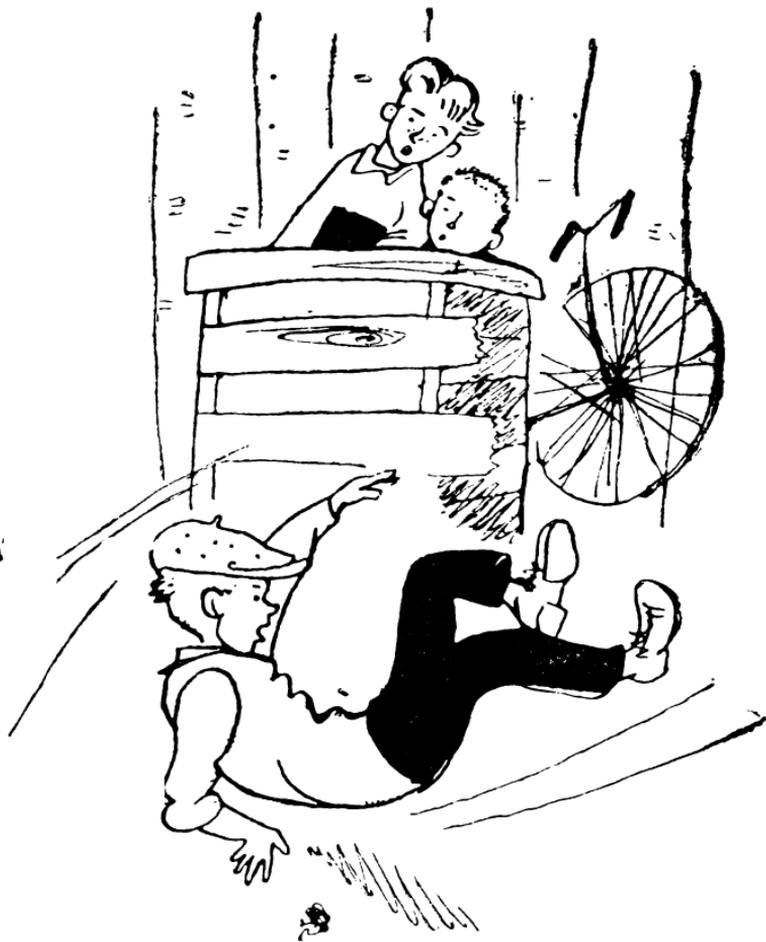
— И не торопитесь! Вот ключи!

— Тима! — крикнул мужчина. — Вези сюда свой велосипед.

Вова и Вася услышали удаляющиеся шаги. Потом курносый мальчишка вкатил своего «Орленка». Сначала он поставил его около ящика, за которым спрятались ребята. Потом приподнял и поставил на ящик. Но, видно, и это место не устраивало его. Он забрался на ящик и попытался опустить велосипед за него. Вова почувствовал на своей спине велосипедное колесо. Он не выдержал.

— Тебе места мало, да? Совсем задавил! — приподнимаясь, возмутился Вова.

Тимка испуганно отскочил в сторону и, зацепившись за что-то, упал на старый матрац. Пружины матраца жалобно завизжали. А сам Тимка на мгновение скрылся от приятелей в облаке пыли. Когда пыль осела, Тимка увидел в сарае уже не одного, а двух мальчиков.

— Сколько вас тут? — спросил он.

Вова поднес палец к губам:

— Тсс... мы изучаем жизнь крыс. В школе поручили.

— Это, наверное, интересно? — доверчиво спросил Тимка.

— Еще как, — сказал Вова, — а то стали бы мы здесь торчать в темноте.

— И в пыли, — добавил Вася и опять чихнул.

Мальчики рассмеялись и оглядели друг друга. Тимка оказался чуть повыше Васи и, пожалуй, на столько же ниже Вовы. Лицо у него было добродушное, с большими оттопыренными ушами.

Вове Тимка пришелся по вкусу. Кивнув в сторону дверей головой, он спросил:

— В наш дом переезжаешь?

— Ага. Отцу на работе ордер дали. Мы раньше в одной комнате жили, а теперь сразу в трех будем. Даже не верится.

— Сколько у вас народу-то? — спросил Вова.

— Три женщины: моя мать, сестры старшие и мы с отцом. Отец у меня на самосвале шофером работает. Скоро будет самосвал с двумя прицепами возить. Чтоб груза больше брать. Он у нас рационализатор. И мать с сестрами на ткацкой фабрике передовые. Я тоже страсть как хочу на работу пойти. Да только никак не вырасту, чтоб приняли.

— Мне самому работать хочется, — сказал Вова и спросил: — Тебя Тимкой зовут?

— Ага,— подтвердил мальчик,— Ромашкин я — Тимофей Иванович.

— Скажи-ка, уж Иванович,— добродушно засмеялся Вова и протянул мальчику руку,— Чуркин Владимир. А он,— Вова указал на Васю,— Букин Василий, или Пончик.

— Будет тебе,— смутился Вася и поспешил изменить неприятный для него разговор.— Ты в каком классе учишься?

— В пятом,— ответил Тимка,— я теперь в третью городскую школу перешел, чтоб ходить ближе.

От неожиданности Вася с Вовой даже приподнялись. Их школа! И класс пятый! Значит, перед ними новичок-второгодник...

Ч Т О Ж Е Д Е Л А Т Ь ?

Уроки в пятом «А» кончились, и в опустевшем классе остался только совет отряда: Олег, Оксана, Жора и Нина с Мишей. В их звеньях были Чуркин с Букиным. Ребят попросила остаться Оксана. Ее волновало, что Вова и Вася не пришли в школу оба. Если бы кто один не пришел, все было бы ясно — заболел, а тут... вдруг прогуливают.

Вовка в четвертом классе иногда прогуливал уроки и Васю сманивал. Неужели они за старое взялись? Оксана сказала о своих сомнениях ребятам.

— Я еще в прошлом году говорил, что ложка дегтя может испортить бочку меда! — ответил ей Жора.

— Ты это к чему? — не поняла Оксана.

— К тому, что для нас Чуркин с Букиным — это самая ложка дегтя.

— Тут уж целых две ложки, — засмеялся не-

поседливый Миша Зотов и звонко хлопнул крышкой от парты.

Жора метнул в его сторону уничтожающий взгляд.

— На твоём месте, Зотов, я бы не острил, а переживал,— сказал Жора,— Чуркин у тебя в звене, а не у меня. Вот увидите, ребята, новенький подтянется, а из-за Вовки с Букиным мы к старту соревнований на последнем месте окажемся.— И спросил Мишу: — Ты знаешь, почему они сегодня в школе не были?

— Откуда? — смешно развел руками Зотов.— Может, заболели.

— Сразу оба? — презрительно усмеялся Жора.

— А что? Они друзья, ходят всегда вместе, вот и заразились друг от друга,— сострил Миша и от нетерпения, когда ж кончится этот разговор, снова хлопнул крышкой от парты.

Жора постучал пальцем себе по лбу, а потом по парте и сказал Мише:

— Соображать надо, а не острить без толку. Уроки они вчера не выучили— вот и не пришли в школу, чтоб двойки не получить.

Медлительная Нина Астахова не к месту призначалась:

— Я тоже в четвертом классе так делала: если не выучу урок, а отметка у меня есть, ни за что в школу не приду,— и густо покраснела.

— Ребята! — воскликнул Миша Зотов.— Я придумал, как Вовку исправить. Ему надо дать

важное поручение, назначить, например, вместо меня звеньевым. Тогда ему положение не позволит так вести себя. Я-то сдерживаюсь.

— Я бы на твоём месте и сейчас сдержался.— Жора даже покраснел,— до того разозлился на этого попрыгунчика.— Вовка школу пропускает, уроки не учит, а мы его звеньевым выберем, соображаешь?

— А как же в «Педагогической поэме»? Там даже жуликам доверяли,— отразил Жоркин удар Миша.

— Может, и в самом деле дать Вове какое-нибудь поручение,— сказал Олег.— Конечно, переборы звеньевого делать ни к чему, а поручить Чуркину что-нибудь стоит.

— Поручите ему стенгазету выпускать,— насмешливо предложил Жора.— Посмотрим, какой он номерок отколет.

Олег возразил:

— Стенгазету выпускать — надо призвание. У Вовки это не получится. Для него надо что-нибудь поживее придумать. А когда он выполнит поручение, ты, Жора, похвали его в стенгазете. Это на Вовку действует.

— «Похвали!»! — опешил Жора.— Это после того, как он без уважительной причины школу пропустил, уроки не учит. И не подумаю. Даже Евгения Федоровна не заставит меня хвалить Чуркина.

— Ладно, об этом ещё рано говорить,— примирительно сказала Оксана,— лучше подумаем,

что нам делать? Надо же Чуркину втолковать, что теперь бездельничать нельзя.

Оксана хотела предложить ребятам сходить к Вове домой и выяснить, почему он не был в школе. Но, может быть, Олег, Жора или Миша предложат что-то другое. Олег в таких делах человек опытный, «со стажем». Как выбрали его во втором классе старостой, так ни разу и не перебирали. Он пользовался среди ребят авторитетом. И не только потому, что хорошо учился. Олег мог без ошибок перечислить все технические данные новых радиоприемников. Рассказать о прочитанной книге так, точно сам был ее героем. А когда Олег разбирал в пионерской комнате шахматную партию, которую накануне не успели закончить гроссмейстеры, к его решению прислушивались даже старшеклассники.

Оксана же была председателем совета отряда впервые. Выбрали ее в конце прошлого года, весной, вместо Веры Толкачевой. Уж очень Вера загордилась, перестала советоваться с ребятами, только все приказывала, а решала одна.

Жора даже сказал тогда на сборе:

— У нас не совет отряда, а настоящий матриархат! — Это он где-то вычитал, что у древних людей такой строй был. При нем главой общины была женщина.

Жора предложил выбрать Оксану Чернушенко.

— Она хоть тоже девчонка, но совсем другая, — заключил он.

Оксану любили. Она была активной, настой-

чивой и справедливой. Кандидатура Жоры понравилась ребятам.

— Все данные для председателя. И отчитывать умеет и помогать,— пошутил Вова Чуркин и вспомнил случай, как Оксана занималась с его соседкой по парте Ниной Астаховой. Нина вообще училась неважно, а задачки решать совсем не умела. И вдруг стала получать по арифметике четверки. Все так и развели руками: что с ней произошло? Даже их прежняя учительница Нина Сергеевна спросила:

— Ты, наверное, с хорошим учителем занимаешься?

— С очень хорошим,— ответила Нина Астахова,— с Оксаной Чернушенко.

Или вот еще такой случай был. Оксана выращивала дома лимон. Узнал про это Борька Лисичкин из параллельного класса и сказал Оксане:

— В Доме пионеров конкурс комнатных растений устроили. Отнеси свой плод, может, премию получишь.

Оксана и отнесла. А никакого конкурса там не было. Обманул ее Лисичкин. Обидно стало Оксане. Поговорила она с директором Дома пионеров, взяла лист бумаги и написала объявление о конкурсе. Цветов ребята принесли — не сосчитать. В Доме пионеров даже выставку устроили. И премию Оксана получила. Только не первую, а третью. Но все равно ловко Борьку проучила. Разве этот пример не говорит, что Оксана активная. Выбрали ее председателем единогласно. И Оксана не ло-

малась, не отказывалась, как Вера Толкачева во время первых выборов. А даже обрадовалась и сказала, что постарается работать как следует. Вот только на Вову с Васей задумчиво посмотрела. Чувствовала, что принесут они ей много хлопот. Так и вышло!

— По-моему, — сказал Олег, — нам надо сходить к Вове с Васей домой и выяснить все на месте. Чего гадать, там все станет ясно.

— Верно! Пойдемте! — бросилась к двери Оксана, но, вспомнив, что ведет сбор, остановилась и спросила: — Все согласны?

Олег, Нина и Миша уже на ходу подняли руки. Миша даже две — одну с портфелем.

— Я — за! — крикнул он. — Только идти с вами не могу. У меня хоркружок.

— Я тоже не пойду, — плаксиво протянула Нина Астахова, — я обещала маме быть дома сразу после школы. Охота мне за Чуркина выговор получить.

— Ладно, без тебя обойдемся, — махнула рукой Оксана.

— А я возражаю, чтобы вы шли к Чуркину. Много чести будет, — сказал Жора, но зная, что его не послушают, тут же заявил: — Только я все равно пойду с вами. Я обязан присутствовать при этом разговоре как редактор стенной печати.

З Н А К О М С Т В О

— Погоди, Тима... Иванович,— остановил Вова нового знакомого, когда тот хотел уйти из сарая,— пока мы тут крыс дожидались, уроки готовили. У нас одна задачка не получилась. Можешь решить?..

— Некогда мне,— замялся Тимка,— вещи таскать надо...

Вова с Васей понимающе переглянулись.

— Знаем мы эти отговорки,— ухмыльнулся Вова и обратился к Васе: — С математикой, помоему, все ясно. Может, у него и по другим предметам такие же знания? — И он снова спросил Тимку: — Ну-ка, скажи, о чем рассказывает история древнего мира?

— О древнем мире,— не задумываясь, ответил Тимка,— как в старину жили.

— Так всякий ответит,— сказал Вова,— а вот какими изобретениями древних народов мы сейчас пользуемся?

— Шпаргалками,— сострил Тимка и спокойно признался: — Я в этом году еще учебник не раскрывал.

— Это почему же? — строго спросил Вова.

— Некогда было,— ответил новый знакомый,— знаете, с переездом сколько дел.

— Ты что ж, решил в пятом классе третий год сидеть? — еще строже спросил Вася.

— Зачем, перейду как-нибудь, говорят, второй раз не оставляют,— беззаботно ответил Тимка.

— А ты знаешь, в каком классе будешь теперь учиться? — снова спросил Вова.

— В пятом «А»,— сказал Тимка,— меня туда мать записала.

— Известно тебе, что это за класс? — продолжал допытываться Вова.

— Нет, неизвестно,— ответил Тимка.

— Так вот знай: пятый «А» ровно через месяц будет лучшим классом в школе.

— Почему через месяц? — спросил Тимка.

— Потому что через месяц старт соревнований. К нему нужно показать себя.

— Это еще что за старт? — удивился новичок.

— Э-эх,— вздохнули Вова с Васей,— да ты совсем необразованный. Даже про старт всесоюзных соревнований ничего не слышал.

— Говорю же вам, я еще в школе не был,— рассердился Тимка.

— «Пионерку»-то хоть читаешь, темнота? — спросил Вова.

— А ну вас! — отмахнулся новенький.—

Только все спрашиваете да критикуете. Умные больно! За крысами наблюдают. Да я бы такое противное задание и брать не стал. Отличники небось?

— Дурак ты, — беззлобно сказал Вова, — совсем мы не отличники. Сами из-за тебя школу сегодня прогуляли.

— Во?! Из-за меня?! — опешил Тимка. — Будет чудить-то! Я вас в первый раз вижу.

— В том-то и дело, — сказал Вова, — узнали мы, что такой фрукт к нам явится, и расстроились. Вот уроки в голову и не полезли. А раз уроки не знаем, в школу лучше не идти.

— Это почему же? — удивился новенький.

— Потому, правило у нас такое, — сказал Вова.

Тимка помолчал, взвешивая новое для него правило, потом спросил:

— Прогульщиков у вас много?

— Наверное, мы одни, — вздохнул Пончик.

— У нас такого правила не было, — сказал Тимка, — если бы было, я, может, не остался бы. А может, меня тогда за прогулы выгнали бы.

— Да, — согласился Пончик, — это правило — что палка с двумя концами. Сидишь вот тут и переживаешь.

— Тимофей! — донесся со двора мужской голос. — Что ты застрял?

— Иду, пап! — вставая, крикнул Тимка.

Вова схватил его за руку и предупредил:

— Мы еще немного посидим тут. А если кто увидит — будто с тобой вошли. Ладно?

— Сидите, если нравится,— усмехнулся Тимка и, выходя из сарая, еще раз проверил, хорошо ли стоит за ящиком его «Орленок». Ушел он, плотно притворив за собой дверь. Сарай сразу погрузился в темноту. Вова подошел к двери, чтобы немножко приоткрыть ее, но тут же отскочил:

— Прячемся! Во дворе Олег, Оксанка и Жорка. Мальчишки припали к щелям.

Актив класса стоял посередине двора и о чем-то спорил. Разговор, очевидно, был очень серьезный. Жора размахивал руками, а Оксана, споря с ним, смешно трясла головой, и ее черные косы с бантиками тоже не хотели соглашаться с Жорой. Олег, как всегда, был спокойнее их. Выждав, когда Жора с Оксаной наговорятся, он что-то коротко сказал им и вошел в парадное, где жил Вова. А Оксана с Жорой, все еще продолжая спор, скрылись в Васином подъезде.

Пончик тотчас захныкал:

— Тебе, Вовка, хорошо. У тебя мать на работе и ключ от комнаты в кармане. А у меня бабушка дома. Она меня утром в школу собирала, завтрак в портфель положила. Что я ей скажу?

— Чего ж ты молчал? — неожиданно обрадовался Вова. — Я жутко есть хочу.

Вася достал завернутый в газету пирог с вареньем и протянул его Вова:

— Ешь все, у меня аппетит пропал.

— Да не расстраивайся ты,— засунув в рот пирог, проговорил Вова,— бабушка у тебя отходчивая. Уговорим, чтоб отцу с матерью не писала.

Сходим ей в аптеку за минералкой, она и подобрет.

— Может быть, лучше вылезти к ребятам и признаться? — неуверенно предложил Вася.

— Признаваться никак нельзя, — рассудил Вова, — видел, как Жорка руками размахивал. Небось опять всех против нас настроил. Сейчас надо действовать по-другому. Хорошо бы мы с тобой сегодня утром заболели. Тогда отомстили б ему. А может, нам прикинуться больными? — неожиданно предложил Вова. — Будто у тебя жуткий насморк, а у меня — коклюш. Потому мы и в школу не ходили, чтоб других не заразить.

— Не умею я понарошку чихать, — нахмурился Вася.

— Тогда давай вместе кашлять.

— Вместе не получится. Кашляй один.

— А ты, значит, школу здоровый прогуливаешь? — наступал Вова. — Тогда, может, ты ногу подвернешь?

— Подворачивай лучше ты, — попросил Вася.

— Стой! — вдруг обрадовался Вова. — Нашел я уважительную причину. Нашел!

— Тише ты! Ребята во дворе, — зашипел на него Пончик, — что это за причина?

— Самая уважительная. Будто мы с тобой помогали новичку переезжать. Скажем, что взрослых у них, кроме престарелой бабки, не было. Вот мы и не смогли ее в беде бросить. Ребята, если и поворчат, все равно будут довольны. Оксанка на каждом сборе говорит: «Проявляйте чуткость,

будьте тимуровцами». Вот мы и стали. Мы сейчас черным ходом на чердак прошмыгнем. А как они во двор выйдут, ко мне за щетками спустимся.

— За какими щетками? — спросил Пончик.

— Там все скажу, вылезай скорее, — потребовал Вова.

Вася полез из сарая нехотя. Затея Вовы ему не нравилась. Но сам он ничего придумать не мог, потому и согласился.

О Т Ч Е Г О В З Р О С Л Ы М
И Н О Г Д А Б Ы В А Е Т Б О Л Ь Н О

Васина бабушка Анна Арефьевна очень любила своего внука. Она знала, что у него бывают двойки, что иногда он разговаривает на уроках и учителя пишут ему в дневнике всякие замечания, но все равно любила внука крепко.

«Несмышленный он еще, — думала бабушка, — станет постарше и поймет, что заниматься нужно как следует, а то самому потом трудно придется. А мальчик он не плохой. За лекарством всегда безотказно ходит, за продуктами тоже. И никогда меня не обманывает, если где задержится — так и скажет. Один раз, правда, был случай...»

Этот случай бабушка вспоминать не любила. При воспоминании у нее больно сжималось сердце, а после того, как это случилось, она даже два дня болела. Такую слабость чувствовала, еле ноги двигались.

Отпустила в этот день бабушка Васю погулять до пяти часов. А он попросился до половины шестого.

— Нельзя,— сказала бабушка,— уже темно будет.

— Ну, ладно,— согласился Вася и ушел. Только зачем-то из прихожей в комнату вернулся. Бабушка на это и внимания не обратила. Мало ли что ему понадобилось. Сама в кухню ушла.

Поголял Вася и домой пришел. Ровно, как бабушка велела, минута в минуту. Очень Анна Арефьевна была этому рада. Взяла она два яйца и сбила Васе гоголь-моголь. Это его любимое лакомство. Только съел Вася бабушкино угощение, а диктор по радио объявил: «Московское время восемнадцать часов двенадцать минут».

Посмотрела бабушка на часы, а они на полчаса меньше показывают. Сразу ей ясно стало: вот зачем внук в комнату возвращался — часы назад подкрутил. Понесла бабушка стакан с блюдцем из под гоголя-моголя в кухню, а у самой от огорчения руки трясутся и глаза туманом заволочло. Выпало у бабушки блюдце из рук и разбилось.

— Ну, ничего,— подбирая черепки, проговорила Анна Арефьевна,— посуда к добру бьется.— А сама подумала: «Какое уж тут добро, если внук обманывать стал». Хотела бабушка накричать на Васю, пошуметь, чтоб ему больше неповадно было так поступать. Да не смогла. Уж очень ей на этот раз тяжело было. И Васе, видно, не по себе сделалось. Весь вечер от бабушки глаза прятал. И на Вову сердился. Ведь это он подговорил провестить бабушку. Нет, в другой раз Вася никогда так не поступит. Стыдно-то как! И верно: с этого слу-

чая прошло уже полгода, а он ничего плохого больше не учинил. А как в пятый класс пошел да соревноваться на лучший отряд стал, и сам к лучшему потянулся: уже второй день зарядку делает и к Вове уроки учить согласно режиму дня ходит. Дневник у него пока тоже без пометок. А ведь в прошлом году почти каждый лист с самого начала исписан был: «Ваш внук разговаривает», «Ваш внук мешает работать товарищам», «Ваш внук...». Всего и не вспомнишь. А сейчас за ум взялся. Ну раз так, бабушка тоже решила его уважить: второй день к обеду сладкое готовит. Вчера инжир купила, а сегодня яблочный мусс сделала. Сколько с ним хлопот было! Но поспела вовремя. До прихода внука еще минут двадцать осталось, а мусс уже в холодильнике стоит, охлаждается. Проверила бабушка, хорошо ли мусс застыл, тут и звонок раздался.

— И звонить-то по-человечески стал,— улыбнулась бабушка,— нажал кнопку и отпустил. А то завел было моду без перерыва трезвонить.

Звонок повторился, и бабушка поспешила открыть. В переднюю вошли Оксана и Жора.

— Здравствуйте! Вася дома?

— Он еще из школы не пришел,— ответила бабушка.

Жора многозначительно посмотрел на Оксану. Та смутилась и неизвестно для чего спросила:

— Он рано утром в школу ушел?

— Уж как положено,— ответила бабушка,— брюки я ему отгладила, курточку почистила. Все честь честью.

— Зря старались,— насмешливо сказал Жора.

— Да, да, зря! — дернув его за рукав, поспешно перебила Оксана.— Пусть Вася сам себе брюки гладит. Мы обязательство взяли все самим делать.

Жора достал блокнот, авторучку и, приняв вид человека, приступившего к неприятной, но необходимой работе, спросил:

— Скажите, а последнее время Вася не думал куда-нибудь убежать от вас?

Бабушка всполошилась:

— С чего бежать-то? Да разве ему плохо со мной? Не случилось ли с ним что, уж вы не таите!

— Нет-нет,— попробовала успокоить ее Оксана и накинулась на Жору.— А ты зря людей не пугай! При чем здесь «бежал», просто всему виной новичок.

— Да что случилось-то? — побледнела бабушка.

— Ничего, ничего, — заверила ее Оксана, — вы не волнуйтесь. Васю мы обязательно найдем.

— И школу ему пропускать больше не позволим, — добавил Жора.

— До свидания! — Ребята попятились к двери и закрыли ее за собой. А у бабушки так и подкосились ноги. Еле до стула добралась.

— Проговорились, сердечные, — вздохнула она. — Не был внучек в школе-то! А я ему завтрак в портфель положила, думала, утомится и на большой перемене скушает. А он вон какую большую перемену себе устроил, на все уроки. — И опять у бабушки больно сжалось сердце. На этот раз, пожалуй, еще больнее...

« П О М О Щ Н И К И »

Олег вышел во двор первым. У Чуркиных никого не оказалось дома.

— А Васю бабушка утром в школу отправила,— выбегая из подъезда, огорченно сообщила Оксана.— Что же делать?

— Я очень жалею, что не сказал Васиной бабушке прямо: как ее внук ни кроил, а швы все равно наружу вышли...

— Нельзя старых так сразу пугать,— накинулась на него Оксана,— вдруг с ребятами в самом деле что-нибудь случилось. Сначала узнать надо.

— Что с ними могло случиться? — пренебрежительно буркнул Жора.— «Запряглись по прямой, а поехали по кривой».

Как раз в это время дверь Вовиноного подъезда широко распахнулась, и из нее со щетками в руках вышли Вова с Васей. Не обращая никакого внимания на ребят, они принялись чистить и отряхивать друг друга.

— Что это вы в школу не ходите, а красоту наводите? — подскочила к ним рассерженная Оксана.

— Ты думаешь, быть первым в школе — это значит только сидеть молча за партой да пятерки получать? — продолжая начищать себе брюки, спросил ее Вова.

— Да, — поддержал друга Пончик, — напрасно ты так думаешь.

— Ничего я так не думаю, — сказала Оксана.

— А вы не крутите, — подошел к Вове Жора, — почему в школе не были?

Вова усмехнулся.

— А вот скажи, — обратился он к Жоре, — если бы твоя помощь была необходима кому-нибудь дома, ты бы все равно пошел в школу?

— Что же вы здесь делали? — спросила Оксана.

— Помогали переезжать новенькому. Знаешь, какие тяжелые вещи таскали.

— Один книжный шкаф чего стоит, — добавил Пончик.

— А это... пианино... с нотами... ох, как вспомню, даже мускулы дрожат от усталости, — дополнил его Вова.

— Что ж, у них таскать некому было? — спросил Олег.

— Ждали грузчиков, да те обманули, — спокойно объяснил Вова, — одна старушка лет восьмидесяти с новичком приехала, и больше никого. Вот она нас с шофером и упростила. Обещала

благодарность в школу написать. Да зачем это,— махнул рукой Вова,— мы и так помогли бы.

Оксана посмотрела на Жору сияющим взглядом:

— Видишь? Я же говорила, что без уважительной причины теперь они школу не пропустят.

— Мы и то переживали! — признался Пончик.

— Значит, вы с новичком уже познакомились? — спросил Олег.

— Да,— сказал Вова,— хороший парень. Сам признался, что учится плохо. И за учебники еще не брался. Надо вам присматривать за ним.

— Почему это нам? — сказал Олег.— А если вам?

Оксана чуть на одной ножке не запрыгала: «Ай да Олег! Ну и голова! Вот оно, то самое поручение, про которое говорили в классе».

— А мы-то тут при чем? — спросил Вова.

— Мы решили дать тебе и Васе поручение,— сказала Оксана.

— Какое? — подозрительно глядя на ребят, спросил Вова.

— Возьмите шефство над новичком,— предложил Олег.

Такого оборота Вася с Вовой никак не ожидали. Даже растерялись немного.

— Учите вместе с ним уроки, проверяйте его,— сказала Оксана.

— Это мы с ним уроки должны делать? — не веря услышанному, переспросил Вова.

— Ну, да! Что ж тут удивительного? — сказал Олег. — Разве вы не хотите помочь товарищу?

«Ишь, что выдумали, — улыбнулся Вова и, краснея от удовольствия, подумал: — А может, в самом деле позаниматься с ним? Ведь Тимка не знает, что мы с Пончиком за люди. Сделаем сначала все уроки сами, а его будем звать на готовенькое. Вот он и подумает, что мы хорошие ученики, раз так быстро все соображаем».

Вова еще раз внимательно посмотрел на ребят и, убедившись, что они не шутят, солидно произнес:

— Помочь Тимке, конечно, можно. Только будет ли толк? Ведь он почти круглый двоечник.

— А вы добейтесь, чтоб он подтянулся, — сказала Оксана, — помнишь, я тебе целый вечер спряжение глаголов объясняла. Так ты сам после говорил, что на всю жизнь их запомнил.

— Ладно. Будем с ним заниматься, — согласился Вова, — только вы сами скажите ему об этом. Он в нашем подъезде поселился на втором этаже. Вон его балкон.

— Пускай к Вовке приходит, — добавил Пончик, — мы у него занимаемся.

Приятели взяли щетки и пошли к Вове в подъезд.

— Ну, теперь они двойки получать не будут, — захлопала в ладоши Оксана, — учителя не могут знать материал хуже ученика.

— Сомневаюсь, — возразил Жора.

— Разве ты не заметил, как Вовка обрадовал-

ся? — спросил его Олег. — Конечно, он будет теперь стараться.

Жора хотел что-то ответить Олегу, но на него наскочила вбежавшая во двор Рая Соркина.

— Ребята, а я что знаю! Новичок-то уже приехал. Он в Вовкином доме жить будет...

— На втором этаже... вон его балкон,— точно на уроке, подсказал шепотом Олег.

— Угу,— кивнула головой Рая, не заметив его усмешки,— я Вовину соседку видела, она мне сказала. Пошли, познакомимся?

Рая сорвалась с места и наскочила на Тимку, который вышел из подъезда с большим узлом в руках.

— Смотреть надо, мальчик! — взвизгнула Рая и скрылась в подъезде.

Ребята рассмеялись.

— Она всегда такая,— словно оправдываясь за подругу, сказала Оксана и подмигнула Олегу с Жорой: «Вон он, новенький».

Тимка между тем вошел в сарай Алевтины Матвеевны, но тут же, выглянув из него, крикнул:

— Ребята, вы случайно не видели двух мальчиков? Они из этого сарая вышли?

— Каких мальчиков? — насторожился Жора.

— Один обыкновенный, а другой круглый, как арбуз,— объяснил Тимка.

— Это которые вам пианино перетаскивали? — громко спросил Жора.

— У нас нет никакого пианино, — ответил Тимка.

Теперь уж Жора посмотрел на Оксану взглядом победителя и насмешливо сказал:

— Хороши тимуровцы, один ничего не делал, а другой ему помогал.

Г Л А В А Д Е С Я Т А Я

В Ы Р У Ч И Л И

По тому, как ехидно улыбнулся Жора, посмотрев на Оксану, и как та вдруг вспыхнула, Тимка понял, что он подвел своих новых друзей. Нужно было разыскать их и все выяснить.

«Еще подумают, что я фискал»,— решил Тимка и отправился на поиски Вовы и Васи. Но не успел он уйти со двора, как на первом этаже его же подъезда с шумом раскрылось окно и в нем появился Вовка.

— Что они спрашивали? — поинтересовался он.

Тимка только рукой махнул:

— Выходи, расскажу!

— Иди лучше ко мне. Мы с Пончиком одни.

Выслушав Тимку, приятели помрачнели.

— Теперь Жорка нас обязательно в стенгазете просмеет,— сказал Вова и вдруг улыбнулся.— Ничего, зато не надо думать, как нам выкручиваться. Верно, Пончик?!

Вася по-прежнему оставался мрачным.

— Лучше бы сразу признались, — сказал он угрюмо, глядя в пол.

— Не волнуйся, все будет в порядке, — воодушевляясь, заявил Вова. — Только нам нужно сделать что-то хорошее. Загладить этим свою вину. Тогда ребята сразу перестанут на нас злиться.

— А что мы можем сделать хорошего? — неуверенно спросил Вася.

— Придумаем, — решительно сказал Вова и обратился к Тимке: — У тебя никаких мыслей нет?

— Я не знаю, что вам нужно, — ответил Тимка.

— Ты какое-нибудь интересное дело нашему совету отряда мог бы предложить?

— На стройке у нашего бывшего соседа хотите поработать? — спросил Тимка. — Если хотите, могу помочь. Он мне еще в прошлом году говорил: «Организуй нам своих одноклассников. Что ты все баклуши бьешь».

— Чего бьешь? — спросил Вася.

— Ничего, — засмеялся Тимка, — это в старину такое выражение было. Кто бездельничал, тому так говорили.

— А как твоему соседу помогать надо? — спросил Вова.

— Очень просто. Сделают строители корпус, а ребята его приберут, чтоб те скорее сдать могли, — ответил Тимка. — Сосед говорил, этим мы их строительный план ускорим.

— Лично я от такого предложения не в вос-

торге. Но совету отряда оно понравится. Они такие дела любят, — сказал Вова.

— Все равно ребята на нас сердиться будут, — удрученно сказал Пончик.

— Конечно, будут, — согласился Вова, — но уже не так долго. Хотите знать, как все произойдет? Приходим мы завтра в школу. Все на нас с Пончиком смотреть даже не хотят. Жорка фыркает, Оксанка вздыхает, Олег молчит, Райка украдкой рожницы строит. Обстановка самая напряженная. И мы свою вину, конечно, чувствуем. Ходим, как в воду опущенные. И вдруг на большой перемене я хлопаю себя по лбу и говорю громко, на весь коридор: «Ой, Пончик, с этими неприятностями мы чуть о самом главном не забыли. Ведь мы...» И начинаю рассказывать про стройку. Жорка сразу хватается за свой блокнот. Райка слушает, раскрыв рот от изумления и восторга. Олег улыбается, а Оксанка прыгает на одной ножке и хлопает в ладоши. Понимаете, как все здорово получится! — И Вова заторошил своих товарищей: — Идемте скорей на стройку. Договоримся обо всем, а потом за уроки примемся.

— А мне-то зачем уроки учить? — возразил Тимка. — Я еще в школе не был. Да и дел с переездом много.

— Ну, ладно, мы с завтрашнего дня начнем с тобой заниматься, — разрешил Вова, — пока тебя все равно не спросят.

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ НЕ НАДЫШИШЬСЯ

На следующее утро Вова и Васе до того совестно было показываться одноклассникам на глаза, что хоть опять школу пропускаяй! Даже разговор с бывшим Тимкиным соседом, прорабом стройки, не улучшил настроение.

— Как бы Жорка в самом деле не нарисовал на нас карикатуру, — беспокоился Вова, — он такой — не лобочится сор из избы вынести. В дружинную стенгазету нарисует.

Чтобы хоть немножко загладить свою вину, Вова с Васей обежали до начала уроков все квартиры и собрали целый мешок макулатуры. Заглянули и к Вовиной соседке. Она выписывала много газет и журналов. Приготовит обед и потом весь день читает их. Соседка отдала мальчикам большую кипу журналов. Пришлось Вова и Пончику надеть портфели на ремни от формы, а мешок нести вдвоем. Ох и тяжелая эта бумага! Хорошо, Тимка Ромашкин помог. Догнал их и мешок подержал.

Около школы мальчишки встретили Оксану. Вася с виноватым видом тут же шмыгнул в подъезд. Он не любил всяких объяснений. А Вова, погупившись, тихо спросил ее:

— Оксана, куда макулатуру положить? Видишь, сколько набрали.

— Несите в железный сарай за школой. Там уже много нашей бумаги лежит.

Разделавшись с мешком бумаги, он тут же познакомил Оксану с новичком и принялся рассказывать, как он, Вася и Тимка ходили вчера на стройку договариваться помогать рабочим.

— Если вы согласны, можем хоть сегодня на стройку идти. Рабочие нас ждут. Чем скорее придем, тем быстрее поможем сдать им отстроенный корпус,— закончил Вова.

Оксана разом забыла все неприятности. Схватила Вову за руку и побежала с ним к их классу.

Ребята тоже обрадовались предложению Вовы. Тут же начали гадать, что им поручат делать на стройке. Сеня Снежков, потирая руки, заявил:

— Теперь пятый «Б» лопнет от зависти. Они только и знают детскому саду полочки для цветов сбивать. А на стройке без отрыва от учебы можно настоящим каменщиком стать. Молодец, Чуркин!

Вова сразу оказался в центре внимания. Он со всеми подробностями, даже с добавлением, описал их вчерашний разговор с Тимкиным соседом Платоном Михайловичем и предположил, что

работа их ждет ответственная. Потому что на прощание прораб крепко пожал ему руку и сказал:

— Я надеюсь, что мы сработаемся.

— Конечно, сработаемся! — закричали в восторге ребята.

После этого разговора вчерашнее происшествие во дворе было забыто окончательно.

А дальше все сложилось еще лучше. На первом уроке Вову и Васю вызвал математик Иван Петрович. Оба получили по тройке. Вова совсем немного напутал. Он назвал числа, которые складываются, не слагаемыми, а слогами. А Вася на вопрос, какой знак ставится между слагаемыми, ответил не плюс, как надо, а крестик. Но тройка тоже ничего отметка.

На следующем уроке учительница ботаники поставила Вове четверку за дикорастущие травы. Это было уже здорово. Все-таки замечательно чувствуешь себя, когда тобой довольны.

Но радоваться пришлось недолго. На третьем уроке произошла ужасная неприятность. У пятиклассников должен быть урок пения. Но прежняя учительница уехала в другой город, а новая начнет заниматься только со следующей недели. В класс вместо нее пришел свободный от занятий учитель истории. Историк был старенький, уже который год собирался на пенсию. А вот расстаться со школой никак не мог. Решил еще и в этом году поработать.

Вову как кипятком ошпарило: вдруг начнет

спрашивать. Ведь он с Пончиком так и не выучил к прошлому уроку «Орудия труда и занятия древних людей».

— Доставай скорее историю, — зашептал он Васе, впервые оценив его полный учебников портфель. Но только Вова раскрыл нужную страницу, как услышал глуховатый басок Сергея Сергеевича:

— Новое я рассказывать не буду. Повторим лучше еще раз то, что вы учили к прошлому уроку. Отвечать пойдет... Чуркин!

Вове показалось, будто весь класс замер.

— Теперь на пятерку ответишь? — тихо сказал Олег, когда Вова проходил мимо него к учительскому столу.

— Почему теперь? — поинтересовался учитель. — В этом году я Чуркина, кажется, еще не вызывал. — И Сергей Сергеевич заглянул в журнал. — Да, не вызывал.

— Его сегодня на каждом уроке спрашивают, — объяснил Олег, — по математике он получил три, по ботанике — четыре, а у вас должен теперь пять получить.

— Посмотрим, — улыбнулся учитель. — Я возражать не буду.

Вова готов был сквозь землю провалиться! Пожалуй, еще ни разу он не чувствовал себя так отвратительно.

— Про занятия древних людей рассказывать? — спросил Вова, чтобы показать, что он хоть название урока знает.

— Ну что ж, расскажи про занятия древних,— пошел навстречу учитель.

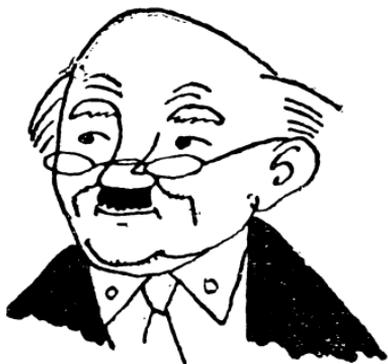
— Камни у них были и дубины,— сообщил Вова то, что успел прочитать, и замолчал. О чем говорить дальше, он понятия не имел.

— Как же они обрабатывали камни? — спросил учитель.

Вова молчал.

— А что такое ручное рубило? — задал новый наводящий вопрос учитель.

Вова только еще ниже опустил голову. Вместо истории он вдруг вспомнил поговорку, которую как-то слышал от Жоры: «Перед смертью не надышишься». А он перед самым вызовом хотел

урок выучить, хотел, что называется, «надышаться». Вот ничего и не вышло. Правильная, выходит, поговорка.

— Сергей Сергеевич, ведь сегодня у нас не должно быть истории,— пробормотал в оправдание Вова.

— Так ведь материал-то не новый. Вы его уже учили, а ты, стало быть, плохо выучил, если не помнишь,— вздохнул учитель.— Знания нужны не на один день. Очень жаль, Чуркин, что я не могу аттестовать тебя хотя бы на тройку.

И в Вовином дневнике рядом с тройкой и четверкой появилась противная, изогнутая, точно змея, большая двойка. Учитель истории всегда ставил отметки большие, во всю клеточку. Потом он оглядел класс и сказал Васе Букину:

— Может, ты покажешь своему другу, как надо отвечать?

Но Вася даже не вышел к доске. Он приподнялся из-за парты и охрипшим вдруг голосом прошипел:

— Арифметику я сделал, ботанику выучил, хотя меня и не вызывали, а историю...— и сел за парту, не договорив.

— Историю, значит, решил не учить,— сказал Сергей Сергеевич очень грустным голосом и, склонившись над журналом, тихо проговорил: — Двойка, друзья, огорчает не только ученика, а и учителя. И еще неизвестно, кого из них больше.

«Вот и не огорчал бы себя»,— нахмурился Вова.

— Подтянемся до старта, — промакая в дневнике двойку, сказал Вася.

— Сам знаю, что подтянемся,— вдруг обозлился Вова,— а что после уроков делать будем? Забыл, что прораб говорил: «На стройку берите только тех, у кого нет двоек». Бригада-то у них коммунистическая!

Вася не знал, что ответить, и отвернулся от Вовы к стене. Его взгляд упал на первый в этом учебном году номер отрядной стенгазеты с передовой Жоры Мешалкина. Называлась передовая «На штурм пятерок!».

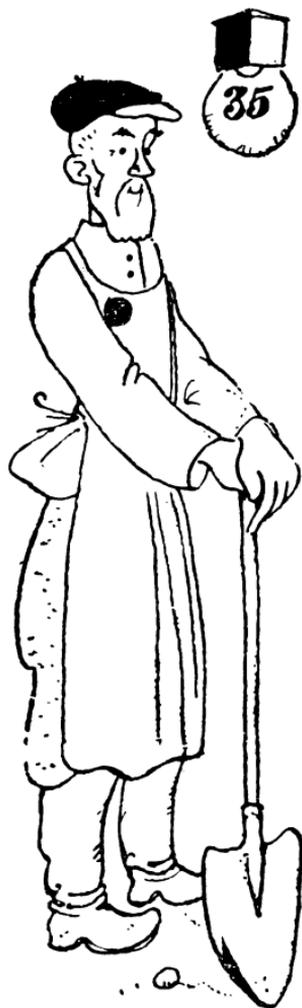
О Д И Н О Ч Е С Т В О

До чего ж все-таки обидно! Все придумать, организовать, обо всем договориться и самим же не пойти на стройку. Вова просто места себе не находил. Ведь он мог бы быть бригадиром их отрядной бригады, распоряжаться уборкой квартир или лестничных площадок. А вместо этого ему приходится сидеть и зубрить историю. Да к тому же старый урок. Вова еще никогда так не жалел, что не выучил вовремя историю.

— Вот, Пончик, как все нескладно получилось. И это в такой момент, когда наш класс хочет стать лучшим в школе. Сейчас же все выучу на пятерку,— решил он и тяжело вздохнул.— Только после такого огорчения ничего в голову не пойдет. Может, отвлечемся немного?

— Это как же? — не понял Вася.

— В кино сходим или просто так прогуляемся. Чтоб уроки запомнить, нам надо от грустных мыслей избавиться. Знаешь что,— вдруг оживился Вова,— давай с пользой пройдемся.

— С какой пользой? — спросил Пончик.

— Вроде бы мы юные дружинники, — объяснил Вова, — чуть где какое безобразие или хулиганство среди ребят увидим, тут же остановим.

Друзья оставили учебники и выбежали во двор. Вова огляделся и сказал:

— Жалко, малыши домой ушли, а то бы обязательно кто-нибудь из них дрался.

— Пошли к дому двенадцать, — посоветовал Пончик, — там Севка Тюкин живет — известный хулиган.

— Пошли, — обрадовался Вова, — если дерется, сразу пресечем.

Но Вове с Васей не повезло. Во дворе дома номер двенадцать никакого безобразия не было. А сам Севка, вместо того чтобы приставать к кому-нибудь, спокойно стоял у подъезда и рассказывал окружающим его ребятам содержание кинофильма «Операция «Кобра»».

— Что ж это ты сегодня? — разочарованно спросил Вова.

— А чего? — не понял Севка.

Вова махнул рукой и вместе с Пончиком ушел со двора.

— Надо же! — сказал Вова. — Прямо как нарочно не везет.

С огорчения Вова поднял с земли два камешка и предложил Васе:

— Давай выясним, кто из нас меткий. — Он прищурился и попал в дощечку с номером их дома. Пончик тоже прищурился, но вместо дощечки угодил в дворника дядю Гришу, который совсем неожиданно появился из-за угла.

— Это что ж вы, проказники, делаете? — кричал он. — А ну-ка идите сюда!

Как бы не так! Вова с Васей со всех ног пустились за дом, на пустырь. Тут они встретились с Тимкой, который возвращался со стройки.

— Ну, как потрудились? — отдышавшись, спросил его Вова.

— Здорово! — улыбнулся Тимка. — Сначала изоляционный материал по квартирам в будущие ванны носили, а потом дорогу от камней расчищали. Большие камни прораб нам трогать не велел. Да мы все равно их не сдвинули бы, если б не Олег. Он такую рационализацию придумал!

— Что же он придумал? — спросил Вова.

— Сказку-быль нам рассказал.

— Это к чему? Что за сказку? — удивились приятели.

— Вот послушайте. Интересно, смекнете вы, к чему она? — И Тимка, подражая Олегу, стал смешно рассказывать сказку: — В одном городе, на площади, лежал огромный камень. Этот камень занимал очень много места и мешал езде. Жители стали думать, как убрать камень с дороги. Ведь в те времена экскаваторов еще не было. Один каменщик сказал, что камень надо разбить на куски порохом, а потом по частям свезти с дороги. Другой каменщик предложил подвести под камень большой каток, взвалить на него камень и на катке увезти его. А третий мастер сказал: «Я один уберу камень без катка и без пороха».

— Что же он, геркулес был? — спросил Вова.

— Самый обыкновенный человек, только с головой, — ответил Тимка. — Он вот что сделал: выкопал рядом с камнем большую яму и свалил в нее камень. А яму потом землей заровнял.

— Здорово придумал! — согласился Вова.

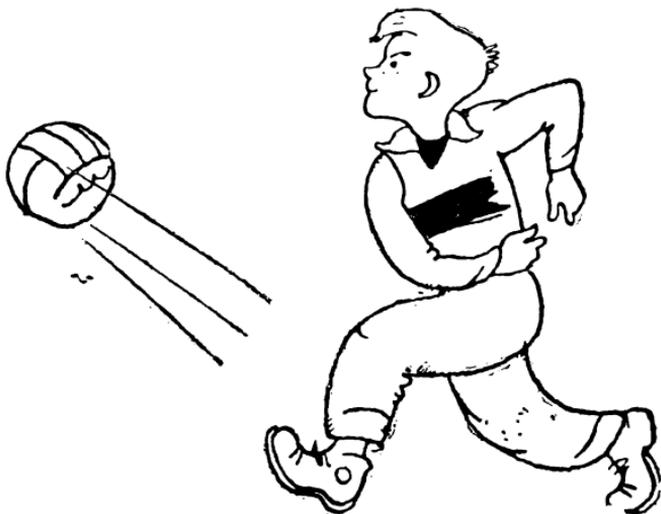
— И вы так сделали? — спросил Вася.

— Ага! — ухмыльнулся довольный Тимка. — Взяли нарылы возле камней ямки, столкнули их туда и землей завалили. Пришел прораб, видит, камней нет, начал сердиться. «Я, — говорит, — не велел вам большие камни перетаскивать, надорветесь, потом отвечай за вас!» А Олег говорит: «Мы камни не трогали, только чуть-чуть лопатой подтолкнули». И объяснил, где они. Прораб за такую рационализацию очень нас похвалил. В ту субботу опять просил прийти. — И Тимка предложил: — Может, мяч погоняем?

Он вынес из дома футбольный мяч, и друзья принялись забивать друг другу по очереди одиннадцатиметровые удары. Игру прекратили часа через два. Вошли во двор и сразу носом к носу столкнулись с пионерским рейдом. На этот раз он состоял из Оксаны и звеньёвого Миши Зотова.

— Уроки сделали? — спросил Миша.

— Уроки-то? — переминаясь с ноги на ногу, проговорил Вова. Он соображал, что ответить ребятам. Но его неожиданно опередил Пончик:

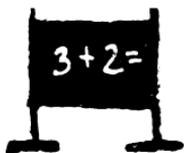
— Мы еще не брались за них. Так расстроились из-за двоек, что ничего в голову не лезет.

— Ну и чудачки! — рассмеялся Миша. — Если ничего в голову не ползет, тогда ползет в журнал новая двойка.

— Это верно, — согласился Вова, — сейчас пойдем учить.

— На этой неделе вы обязательно должны историю исправить, — потребовала Оксана. — Про- раб сказал, что если мы хорошо будем им помогать, рабочие поручат нам очень интересное задание.

— Не бойся, не подведем, — обнадежил Вова. Приятели попрощались с Оксаной и Мишей и пошли заниматься.

КАК ДРУЗЬЯ УРОКИ ДЕЛАЛИ

Трудно, конечно, после футбольного матча решать задачи и учить про ~~перв~~обытных людей. Трудно, но надо. Иначе опять на стройку идти не придется. И кроме того, когда отряд борется за первое место в школе, самим не хочется плестись в хвосте. Придется уж постараться.

— Надо нам воспитать в себе силу воли, — сказал Вова, — вот не хочется уроки учить, а мы заставим себя. Тогда из нас знаете какие выдающиеся личности получатся. Может быть, мы станем Героями труда или даже Советского Союза, — и, раскрыв задачник, Вова провозгласил: — Задачка номер тридцать пять! Кто первый кончит, молчи. Потом сверимся.

Стал Вова над задачкой голову ломать, а сам видит: Вася еще что-то думает или хоть вид делает, что думает. Лоб сильно сморщил и карандашом по бумаге чертит. А Тимка сидит себе на стуле, как в гостях, и ногой болтает. Дождается,

когда кто-нибудь из товарищей задачу решит. Куда это годится?! «Беззаботный человек,— покачал головой Вова,— на готовеньком жить хочет. Ну, погоди, я такое сотворю, что ты нам сам будешь задачи решать. Только как этого добиться поскорее?»

Вова задумался: «Что, если сходить с Тимкой в театр на такой спектакль, в котором выведен похожий на него ученик? Ведь вот я сам посмотрел в прошлом году пьесу «Чудесный мальчик» и потом целую неделю прибирал дома комнату. Так и с Тимкой может случиться. Увидит себя на сцене и за ум возьмется. Правда, этот поход отнимает много времени, но для пользы дела и времени не жаль».

— Решил я, — вдруг сказал Вася, — и с ответом сходитесь.

— Да ну! — не ожидал Вова. — Вот молодец! Объясняй, как решил.

— А то давай так спишем, — предложил Тимка, — чего время зря тянуть. Уже поздно.

— Верно, поздно, — согласился Вова, — тебе-то еще что, а нам старый параграф по истории выучить надо. Мы уж с завтрашнего дня будем друг другу задачи объяснять. А сегодня так перепишем.

Вова с Тимкой переписали решенную Пончиком задачу, и Тимка ушел. Только за ним захлопнулась дверь, Вова сейчас же рассказал Пончику свой план исправления Тимки:

— Завтра после школы ни одной театральной

афиши не пропустим. Надо найти спектакль про лентяя, чтобы Тимка на себя, как в зеркале, полюбовался.

— Пусть полюбуется, — согласился Пончик и, зевнув, сказал: — Историю, пожалуй, сейчас все равно не выучим, спать хочется. Давай встанем завтра пораньше. Перед школой на свежую голову в момент все запомнишь.

— Верно, перед школой учить лучше, — одобрил Васино предложение Вова и добавил: — Только ты смотри, не проспй. Я буду ждать тебя.

К А Н А Т О Х О Д Ц Ы

На другой день Вова с Васей встретились у дверей класса перед самым звонком. Опять оба чуть не опоздали.

— Выучил историю? — спросил Вова.

— А ты? — спросил Вася.

Не ответив на вопрос, Вова сказал:

— Надо перед уроками отказаться, чтоб не переживать.

— Надо, — кивнул головой Пончик.

Перед уроками они отказались. Но Сергей Сергеевич был ужасно рассеянный и, открывая журнал, тут же вызвал Чуркина.

— Сергей Сергеевич, я же только что... — краснея, начал Вова.

— Ах, да, да! Помню, но вынужден поставить тебе за отказ...

У Вовы так сердце и покатилося в пятки: «Неужели вторая двойка?»

— Вынужден поставить тебе точ-ку, — раздель-

но произнес Сергей Сергеевич и водворил Вовино сердце на место.

— Все забывает,— пробурчал, садясь за парту, Вова.

— Что забывает, а что и помнит,— вздохнул Пончик,— скажи-ка неверно какой-нибудь год, сразу, как лимон, сморщится.

После урока к Вове подошла Оксана и спросила:

— Что это значит? Почему ты отказался отвечать?

— Мы с Сергеем Сергеевичем так договорились. Он меня после выходного сразу по всему материалу погоняет. Что я, виноват, если он ничего не помнит,— сказал Вова и, чтобы Оксана больше не донимала его, выбежал из класса.

Остальные уроки прошли благополучно. А как только прозвенел звонок с последнего урока, Вова с Васей быстро выбежали из класса, чтобы Тимка не увязался за ними. Ведь они пошли к городскому театру юного зрителя выбирать для Тимки подходящий спектакль. Но, еще не дойдя до театра, Вова прочитал на одной из афиш клупа ткацкой фабрики вот что: «Сегодня состоится веселое эстрадное представление, участвуют столичные артисты, клоуны и дрессированный осел-математик. Осел решает задачи, примеры, разгадывает математические головоломки».

— Вот это да! — ахнули друзья.— Осел и тот умеет задачки решать. Это выступление надо обя-

зательно Тимке показать. Оно наверняка заставит его задуматься.

Вова чуть не подпрыгнул от радости. Друзья тут же побежали к Тимке домой.

— Сегодня придем к тебе ровно в пять, смотри никуда не уходи.

— Заниматься будем, что ли? — поморщился Тимка.

— Нет, ты все уроки до нас выучи, — сказал Вова, — а если в чем не разберешься, мы тебе в антракте объясним.

— В каком антракте?

— Пойдем вечером в клуб на эстрадный концерт. Артисты из Москвы будут. Всего один концерт в нашем городе. Пропустишь, после не увидишь.

— Зачем пропускать, — охотно согласился Тимка, — я люблю концерты смотреть.

На вечернее представление клуба, как и всюду, дети до шестнадцати лет не допускались. Но мальчики учли это обстоятельство. Дома они подложили себе в ботинки побольше бумаги, чтобы стать выше ростом, а вместо пионерских галстуков надели все трое галстуки Васиного папы. Он на Севере и все равно их не хватится.

В сумерках, которые окутывали вестибюль клуба, Вовку, Тимку и Васю можно было вполне принять за старшеклассников. Ведь не все старшеклассники длинные, как ходули. Есть полные и коренастые.

— Пройдем мимо вон той контролерши, —

шепнул Вова приятелям.— Она старенькая, наверное, плохо видит. А если остановит — уговорим.

Непринужденной походкой, слегка переваливаясь с ноги на ногу, друзья направились к входным дверям.

Вова подал билеты и как бы между прочим спросил ребят грубым голосом:

— Завтра на первом уроке у нас, кажется, астрономия?

— Астрономия-гастрономия,— лукаво сощурившись, подтвердил Тимка и подивился Вовиной находчивости. Ведь астрономию изучают только десятиклассники, а им как-никак меньше шестнадцати не бывает.

Однако контролерша, оглядев мальчиков, сказала:

— Вам, астрономы, спать пора, а не концерт смотреть. Ишь, вырядились.

— Что мы, маленькие, что ли? — пожал плечами Вова.

— Да уж не больно велики,— покачала головой контролерша. Но больше ничего не сказала.

— Прошли,— облегченно вздохнули Тимка с Пончиком.

— А я и не сомневался,— стараясь казаться взрослым, громко произнес Вова.

В ожидании номера, на который он с Пончиком возлагал большие надежды, Вова был в прекрасном настроении. Но перед началом второго

отделения вышел артист и объявил, что в дальнейшей программе произойдут некоторые изменения.

И случилось непредвиденное: осел-математик не выступал. Вместо него ходили по канату братья Прусаковы. Канатоходцы имели у зрителей большой успех. Трем друзьям они тоже очень понравились. Тимка даже, выходя из клуба, ступал в фойе только по коричневым плиточкам.

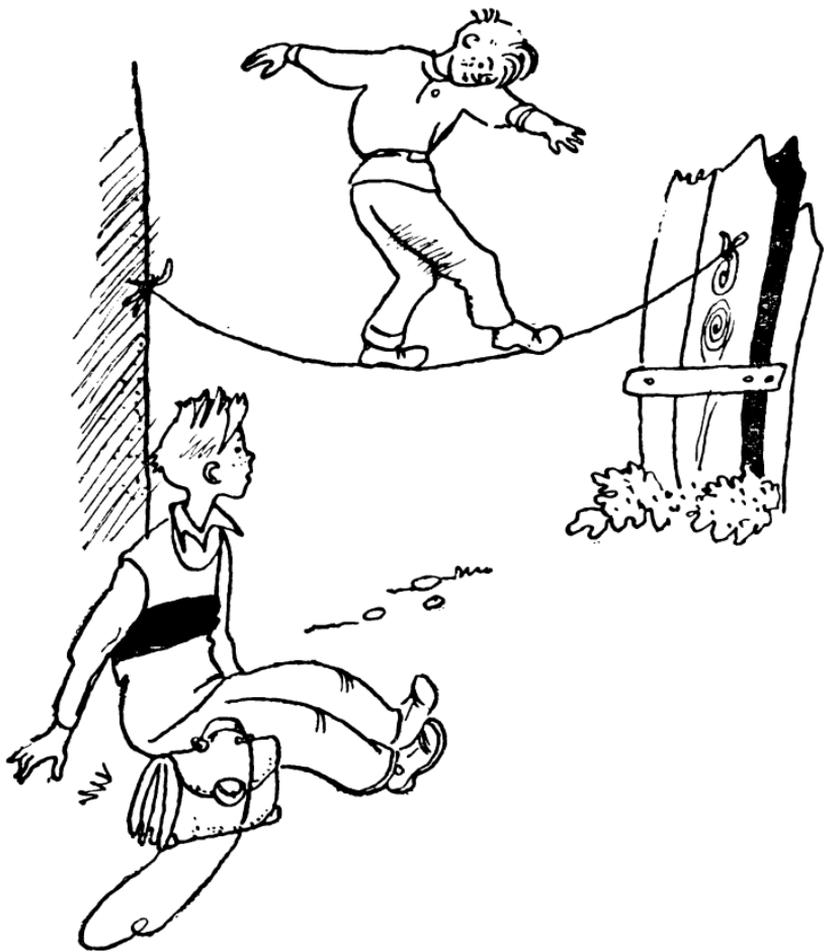
Концерт кончился поздно. Хорошо, что на завтра была задана одна ботаника. Ее можно было выучить утром, перед школой, а Вова совсем не учить. Ведь его только на прошлом уроке вызывали.

Следующий школьный день прошел благополучно. Оксана получила по географии пятерку. А за дежурство по школе пятому «А» даже объявили благодарность. Торжественно. В актовом зале. Директор собрал всех ребят и сказал:

— Посмотрите на октябрат, какие они сегодня веселые и довольные. Это потому, что дежурные пятиклассники устроили с ними во время перемен игры и танцы.— И он отметил дежурство пятого «А» как лучшее за неделю.

Воодушевленные успехами своего отряда, Вова, Тимка и Пончик решили позаниматься вечером как следует: все новое выучить и старое подогнать. Разошлись только пообедать.

Потом Вова зашел за Тимкой, чтобы вместе идти к Пончику. Сегодня Вовина мама была дома, и учить уроки у него не стоило. Тимки дома

не оказалось. Вова обнаружил его за домом на пустыре. Тимка, то и дело срываясь, балансировал с шестом в руках на толстой веревке, протянутой между двумя сараями.

— Подержи-ка веревку, а то она у меня из-под ног выскальзывает,— попросил он Вову,— хочу научиться ходить, как циркачи.

Вова натянул веревку изо всех сил, но Тимка все равно не смог на ней удержаться.

— Эх ты,— рассмеялся Вова,— и тут больше двойки не заслужил. А ну-ка, я попробую.

Часа через полтора приятели сделали некоторые успехи. Тимка мог пройти по веревке уже пять шагов, а Вова только три.

Вове это не понравилось.

— Думаешь, у меня силы воли нет,— расплясь, кричал он и снова лез на веревку.— Да я еще тебя обгоню. Вот увидишь!

Вечером, когда во дворе неожиданно погас фонарь, хождение по веревке прекратилось.

— Все-таки это никуда не годится,— вспомнив про уроки, сказал Вова,— ведь мы на завтра опять почти ничего не выучили. Пошли к Пончику, хоть у него спишем.

Но списать уроки у Васи не удалось. Он сам собирался к приятелям, чтобы всё переписать у них.

— Вот дочитал бы «Всадника без головы» и пошел.

— Сам-то ты безголовый,— рассердился на не-

го Вова,— не мог для товарищей постараться —
упражнение с задачкой сделать.

— А вы-то что ж для меня не постарались,—
возразил Пончик.

Вова просто закипел весь:

— Что с тобой говорить, с эгоистом! — и ушел,
сердито хлопнув дверью.

Тимка тоже ушел домой. А Пончик махнул
на все рукой и сел ужинать.

Н О В А Я З А Т Е Я

Утром, по дороге в школу, Вова, Тимка и Пончик провели экстренное совещание. Темой его было: «У кого переписать домашнее задание?»

— Теперь ребята так просто списать не дадут, — вздыхал Вова, — подход нужен.

— У нас в той школе один отличник есть, — сказал Тимка, — так он за почтовую марку какой-нибудь Гваделупы даже сам тебе задачку в тетрадь перепишет.

— Таких чудачков у нас нет, — возразил Вова, — надо что-то другое придумать.

— Что же? — спросил Пончик.

— Сделаем так, — подумав, предложил Вова, — перед уроками я подойду к кому-нибудь из ребят и скажу: «У меня задачка не получилась, дай тетрадь, разберусь, в чем дело». Получу тетрадь и перепишу. Ты, Тимка, таким же манером у кого-нибудь немецкий выпроси. А Пончик — рус-

ский. И на первом уроке все друг у друга перепишем.

Так и сделали. Вова списал решение задачи у тихони Андрюши Хромова. Тимка попросил тетрадь по немецкому у Веры Толкачевой. А Пончика выручил Миша Зотов.

— Всегда рад помочь,— сказал он, хитро подмигивая Пончику,— только списывай незаметно, чтобы мне за тебя не влетело.

С письменными заданиями был полный порядок. Вова собрал тетради — свою, Пончика и Тимки — и подошел к Оксане.

— Что ж ваш пионерский патруль вчера не приходил? Вот смотри, а то еще подумаешь, что мы бездельничали.

— Не подумаю,— сказала Оксана,— ведь вы слово дали заниматься, зачем же вас каждый день проверять. А если что не получится, ты мне звони. Хорошо?

У Вовы прямо гора с плеч свалилась.

— Ничего лучшего и не придумаешь! — воскликнул он. И после уроков с радости даже уговорил Тимку с Пончиком остаться на чтение пьесы, которую вдруг предложил поставить одноклассникам Олег Ильин.

— Что это он? Вместо модели радиоприемника хочет пьесу ставить? — удивился Тимка. — К открытию школьной выставки самоделок — и пьесу? Даже непонятно?!

— Вот и надо выяснить, почему он так поступает,— сказал Вова.

Все прояснилось, как только Олег прочитал список действующих лиц. В пьесе участвовали одни конструкторы, которые усовершенствовали различные машины. Пьеса была короткой и кончалась призывом одного из героев: «Надо думать, изобретать, усовершенствовать!» К открытию выставки она очень подходила.

Олег прочитал пьесу, а потом спросил, кто хочет играть в ней. Начался волнующий момент распределения ролей.

Воле хотелось сыграть одного изобретателя-чудака, но он рассудил так: «Роль мне могут не дать, скажут, сначала занимайся лучше да новенького подтягивай». И потому Вова сам решил отказаться.

— Очень нужно роли зубрить, у нас и так дел по горло, — высказался он и ушел с репетиции вместе с Тимкой и Пончиком.

Ребята не стали его задерживать. Даже обрадовались, что он так крепко взялся за новичка. Только Андрюша Хромов покачал головой. Он ведь сразу догадался, зачем Вова просил у него сегодня утром тетрадь по арифметике. Но Андрюша был робкий, он почти никогда не высказывал своего мнения. Промолчал и на этот раз. Да сейчас его, наверное, никто не стал бы слушать. Все были увлечены пьесой. Начали читать ее по ролям.

Н О С О М К Н О С У

В хороший осенний день, когда ласково светит солнышко и над тобой голубое, как в мае, небо, очень не хочется уходить с улицы домой.

Вова, Тимка и Пончик уже в третий раз прошли взад-вперед свою улицу, а сворачивать во двор и не думали.

— Прокатимся на трамвае,— предложил Вася.— У меня как раз восемнадцать копеек есть.

Мальчики сели в подошедший трамвай, даже не посмотрев на его номер. Ведь им было все равно, куда ехать. Трамвай сначала звенел по хорошо знакомым переулкам, потом покотил по незнакомой улице и закончил свой маршрут на площади у здания цирка. Прямо перед ребятами чуть ли не во всю стену выросла афиша. На ней красовался человек в расшитом золотом мундире. В правой руке он держал маленькую палочку, а левой гладил тигра.

«Казимир Угрюмов — знаменитый дрессировщик хищных зверей!» — гласила афиша.

«А что, если попроситься к нему в помощники, — разглядывая нарядного дрессировщика, подумал Вова. — Вдруг согласится взять. И кто-нибудь из ребят увидит нас в клетке с тигром. По всей школе разнесется слух о бесстрашных юных укротителях Чуркине, Пончике и Тимке. Тогда нас, словно каких-нибудь знаменитостей, пригласят на дружинный сбор и попросят рассказать, что мы чувствовали во время представления. После этого учителям уже будет неудобно ставить нам двойки».

Вова посмотрел на своих товарищей и решительно сказал:

— У меня блестящая мысль. Сейчас я пойду к этому дрессировщику,— он указал на афишу,— и попрошу его, чтобы он взял нас к себе в помощники на время своих выступлений в нашем городе. Вы представляете, что произойдет в школе, если он согласится.

— Землетрясение! — сказал Пончик.

— Извержение вулкана! — добавил Тимка.

— Ждите меня,— приказал Вова,— иду на переговоры.

Он отыскал дверь, над которой висела табличка с надписью «Служебный вход», и, открыв ее, очутился в длинном коридоре, освещенном маленькими синими лампочками. Только на столе, рядом с дверью, горела обыкновенная лампочка. Наверное, здесь сидел дежурный вахтер, который куда-то вышел.

Прошмыгнув мимо столика, Вова быстро двинулся по коридору. В конце коридор разделялся надвое, и Вова свернул налево, откуда слышались чьи-то голоса. По обе стороны коридора шли закрытые двери. Вова подумал и постучался в самую крайнюю. Дверь медленно приоткрылась и из нее показался чей-то темный, заросший шерстью нос. Потом высунулась вся голова, и Вова увидел большого бурого медведя. Медведь тоже увидел Вову и стал медленно подниматься на задние лапы.

— Караул! Загрызли! — отскочив в сторону, закричал Вова.

В комнате сейчас же раздался чей-то повелительный голос:

— Нянька, назад!

Медведь нехотя опустил на все четыре лапы, а в коридор вышел тот самый дрессировщик, которого искал Вова.

— Ты что кричишь? Кого тебе нужно? — спросил он.

— Ва-ас... ну-у-жно... — прерывающимся от испуга голосом проговорил Вова.

— Меня? — удивился артист. — Ну так входи.

Вова покосился на дверь и спросил:

— А разве здесь... нельзя?

— Я тороплюсь загримироваться, скоро начнется представление. А медвежонка ты не бойся, он родился в цирке и никого не трогает.

— Я не боюсь... — пытаюсь улыбнуться, проговорил Вова, — у меня только... ботинки грязные... с улицы...

— Ничего, заходи, — любезно пригласил дрессировщик.

Вова медленно подвинулся к двери.

— Так о чем же ты хочешь поговорить со мной? — спросил дрессировщик, садясь перед огромным зеркалом.

— Мне и моим друзьям хочется научиться дрессировать тигров, чтобы вот как вы... ой! — вскрикнул вдруг Вова и попятился: он увидел, что медведь снова зашевелился.

— Нянька, лежать! — приказал артист и, сдерживая улыбку, спросил Вову: — Значит, хочешь быть дрессировщиком? А ты не боишься, что тигры могут наброситься на тебя?

— Так ведь вы расскажете нам, как их приучить, и револьвер дадите... в случае чего...

— Ну что ж, возьму вас в помощники, — согласился артист, и Вова от радости чуть не шагнул в сторону медведя, но вовремя удержался. — Только лет через пять, если к тому времени вы не передумаете. Кончите школу, поступите в цирковое училище, вот я вам все секреты дрессировки и открою. Может, тогда вы и без револьвера обойдетесь. Так что заходи в это же время, лет через пять, — и артист протянул Вове руку.

В таких случаях ничего не остается, как пожать руку и сказать: «До свидания». Вова так и сделал.

Из цирка он вышел такой огорченный, что Тимка с Пончиком даже не решились спросить у него о разговоре с дрессировщиком. Зачем спрашивать, если и так все ясно. Домой ехали молча. Только во дворе Вова прервал молчание и сказал:

— Давайте заниматься вместе с завтрашнего дня, а то у меня голова разболелась, — и, не дожидаясь ответа, ушел в свой подъезд.

НИЧЕГО ОСОБЕННОГО

Помогать рабочим на стройке нравилось всем ребятам. Но больше других этой работой увлеклась Оксана. Ей было приятно наводить порядок в новых, только что отстроенных помещениях. С большой охотой Оксана подбирала по своему вкусу обои для комнат, когда об этом просили девочек маляры, красила фанерные щиты для балконов. И особенно радостно было встречать новоселов. Но Оксане очень хотелось придумать что-то новое, за что похвалили бы ее отряд не только новоселы и строители, а все люди с их улицы. Ведь вот придумали ребята из пятого «Б» приносить старым людям лекарство из аптеки. Их за это даже в дружинной стенгазете отметили. А что такое же хорошее сделать отряду Оксаны — она никак не могла придумать. Отчаявшись, Оксана решила посоветоваться с родителями.

— Пусть каждый ученик вашего класса научится беречь школьную форму, тогда он много

радости принесет в дом,—предложила Оксана мама.

— Уж ты скажешь,—отмахнулась Оксана,— такое обязательство и брать неудобно.

— Ай-ай-ай! — укоризненно покачал головой папа.— Как ты разговариваешь с матерью.

Оксана смутилась, а папа внес свое предложение:

— Научитесь-ка вы быть вежливыми. Вежливому человеку все рады.

— Пионеры, папа, должны быть вежливыми и без обязательств,— сказала Оксана и огорчилась: наверное, она так ничего и не придумает.

— Вот мы и скисли,— засмеялся папа,— да любим хорошим делом можно людей обрадовать. А дел таких не пересчитать.

— Ну, назови хоть одно! Назови! — потребовала Оксана.— Я тоже так думала, а за что ни возьмусь, все уже делается.

— Ладно,— сказал папа,— так и быть, жертвую для тебя часом. Пошли на улицу.

Оксана обрадовалась. Папа ее работал в обкоме партии инструктором, часто ездил в командировки и с Оксаной бывал очень редко. Не разлучались они лишь в папин отпуск.

Только вышли из дома, папа предупредил:

— Смотри вокруг внимательно. Если что заметишь — скажи.

Прошла Оксана всего десять шагов, рассмеялась и сказала:

— Я галку на заборе вижу.

Папа улыбнулся и молча зашагал дальше. Через несколько шагов Оксана опять сказала:

— Вон дым из фабричной трубы идет. Ну и что?

Папа опять только улыбнулся. Так молча и прошли всю улицу.

— Смеешься ты надо мной, что ли? — нахмурилась Оксана. — Как не стыдно! Я председатель, а ничего ребятам не предлагаю. Все другие придумывают.

— Значит, кроме галки на заборе и дыма из трубы, ты ничего не заметила? — спросил папа и, посмотрев на часы у трамвайной остановки, предложил: — Время у нас есть, пройдем еще!

Перешли отец и дочь через улицу — сразу перед ними новый жилой корпус вырос. Остановился папа у корпуса и спросил Оксану:

— Ничего тебе в глаза не бросается?

— Бросается, — сказала Оксана, — дом покрасили. Он раньше серый был, а теперь желтый, красивый.

— А еще что замечаешь? — допытывался папа.

Оксана засмеялась:

— Дверь вон поцарапана, человечки какие-то на стене нарисованы. Больше ничего нет.

— И этого достаточно, — сказал папа, — пойдем дальше.

Только за дом свернули, — на углу водопроводная колонка. А из крана струйка воды течет. Кто-то не до конца ручку завернул. Оксана хотела

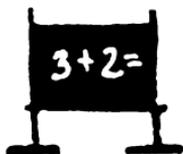
кран закрыть, да никак к колонке подойти не может. Лужа вокруг нее большая, и грязи много.

— Как только до нее добираются, — удивилась она.

— Значит, заметила не порядок, — удовлетворенно сказал папа и направился в их переулок. Вдоль него тянулась аллея молодых тополей. Их ребята всей школой прошлой весной сажали.

— Смотри-ка! — воскликнула Оксана. — Кто-то у двух тополей ветки обломал. Вот безобразие!

— Да уж хорошего мало, — подтвердил папа, — и человечков на домах рисовать не следовало бы, и когда у колонки лужа да грязь — ничего хорошего нет. — Больше папа ни слова не сказал. Да и незачем было. Оксана уже все поняла. Надо не только строителям помогать, а целую улицу под свой пионерский контроль взять. Вот и будут все рады.

ТАЙНЫЙ ПЛАН ВОВЫ ЧУРКИНА

У Вовы хлопот было не меньше, чем у Оксаны с Олегом. А может, и больше. Главная беда в том, что посоветоваться ему не с кем. Пончик всегда с ним соглашается, а Тимка относится ко всему безразлично. Даже не знаешь, что ему нравится. Живет без забот. Делает, что вздумает, или, как подметил Жора, поступает согласно пословице: «Куда глаз глянет, туда его и тянет!» Скоро контрольная по арифметике, Иван Петрович предупредил. А Тимка даже не вспоминает об этом. Получит двойку, так в первую очередь за него Вова достанется. Конечно, научить Тимку хорошо решать задачки или отвечать без запинки какой-нибудь урок Вова так быстро не мог. На это время нужно и еще способности. Вот он сидел вчера над историей куда меньше Пончика, а ответил Сергею Сергеевичу на пять. Пончику же еле-еле четверку натянули. А Тимка не то что учить, даже читать ничего не любит.

Как жаль, что дрессировщик не взял их в помощники. Тогда бы все по-другому обернулось. Бесстрашным людям и двойки простили бы. А теперь придется Тимку другим путем вытаскивать. А путь этот самый рискованный. Может быть, страшнее, чем в одной клетке с тигром находиться. От мысли, которая пришла Вова в голову, у него даже в животе похолодело. Вова задумал проникнуть поздно вечером в учительскую, завладеть журналом и поставить Тимке четверку по истории. Тогда, если он и получит по этому предмету двойку, в четверти все равно тройка выйдет. И Тимка уже сейчас может налечь на другой предмет, который ему трудно дается, а историю не учить. Все время на этот трудный предмет потратить. И его хорошо знать. Что? Ловко придумано? А поставить в журнал четверку по истории можно. Сергей Сергеевич ужасно рассеянный и забывчивый. Отметки пишет крупными цифрами, во всю клеточку. Такие легко скопировать. Трудно только завладеть классным журналом.

«Как погаснет в учительской свет, так и пойду», — решил Вова, глядя из окон дома на школьное здание.

Но свет в учительской на этот раз не гас очень долго. Наконец ее окна стали темными и бездонными, точно сруб в глубоком колодце. Вова спрятал под куртку за пояс свой дневник — в случае чего скажет, что забыл его в парте и должен взять, — и пошел в школу.

Странное у него было состояние. Ведь вот, кажется, человек добро делает — товарища от двоек спасает, а на душе кошки скребут.

Окна школы были освещены только на первом этаже. Здесь по вечерам занимались всякие кружки. При взгляде на эти окна, Вова очень захотелось вернуться домой. Нет, надо же в конце концов подтягивать новенького. Ему такое поручение дали. Вова вздохнул и вошел в школу.

— Зачем пожаловал, герой? — окликнула его нянечка тетя Нюша.

«Герой», — вздрогнул Вова и пробормотал:

— На этот пожаловал... как его... Евгенья Федоровна здесь?

— Хватился. Ей и так нет от вас покоя, не до ночи же сидеть. Ушла недавно.

— Ушла! Как же мне быть? — притворно захныкал Вова. — У меня дневник в учительской на столе... Евгенья Федоровна оставила. Я без него не знаю, что задали...

— Не хнычь, — сказала тетя Нюша и загремела ключами, — без провожатых сбегаешь?

— Если доверяете... — краснея, пробормотал Вова.

— Беги уж, — махнула ключом нянечка и отдала его Вова.

На третий этаж Вова взлетел, как на ракете. Отпер дверь и сразу чего-то испугался. Никогда еще учительская не казалась ему такой неприветливой. Вова шагнул вперед и тут же отскочил к дверям. В окно от уличного фонаря падал пу-

чок света. Он освещал шкаф с классными журналами и стоящий на нем глобус.

Глобус был необыкновенно синим и каким-то таинственным. Вова зажмурился и поспешил найти выключатель. Но тут же погасил свет: еще кто из соседнего дома увидит. Немного погодя глаза пригляделись. Вова подошел к шкафу: «Хорошо бы он был заперт»,— пронеслось у него в голове. Нет, шкаф оказался открытым. И их классный журнал, крупно надписанный 5-й «А», смотрел прямо на него. Вова взял журнал и с надеждой подумал: «Может, ручки нет». Обернулся к столу: ручка лежала прямо на чернильнице. Надо же! Фамилию Тимки отыскать было легко. Его записали в самом конце после всех учеников. Вова обмакнул перо и выписал в одной из Тимкиных клеточек четверку, составив ее из трех больших палочек, как это обычно делал Сергей Сергеевич. И сейчас же отскочил от стола, точно по нему проползла ядовитая змея. Медленно, передвигая ослабевшие вдруг ноги, Вова стал спускаться с лестницы. Что его ждет теперь через три дня, на следующем уроке истории?

К А К В П Ь Е С Е

Когда ребята под руководством Олега Ильина собрались на следующую репетицию, главный режиссер неожиданно сказал:

— Самое важное в пьесе — это хорошая декорация. Поэтому предлагаю построить для декорации такой экскаватор, чтобы его можно было демонстрировать на сцене.

— Это здорово! — обрадовался Сеня Снежков, которому куда больше нравилось строить, чем представлять. — Тут одного шума сколько будет!

— Тогда пошли собирать металлолом, — предложил Олег, и драмкружковцы отправились на поиски стройматериала. Однако сделать действующую модель экскаватора оказалось не так-то просто.

— Без чертежей у нас ничего не получится, — заявил Олег на следующей репетиции, — надо раздобыть чертежи.

— Зачем чертежи? — возразил Миша Зотов. —

У моего соседа Алика есть игрушечный экскаватор. Он совсем как настоящий. Только вместо мотора заводная пружина. Пошли посмотрим.

— Всем неудобно,— возразил Сеня Снежков,— нас шесть человек.

— Мы же по делу,— сказал Миша,— чего ж неудобного? А родители у Алика гостеприимные. В субботу у них знаешь сколько гостей было, даже у нас стулья занимали.

— Тогда пойдем все, — решили ребята.

Алик был дома. Он сидел на полу и заглядывал под экскаватор.

— Сломал! — догадался Олег.

— Все время крутился и вдруг... — смущенно пробормотал Алик.

— Докрутил, значит,— с сердцем сказал Миша Зотов,— правильно мой дед говорит, что зря тебя отец балует. Рано такие игрушки иметь! Ну, что ты понимаешь в машинах?!

— А ты что понимаешь? — спросил Алик.

— Я-то понимаю.

— Ну и почини тогда.

— Покажи, что сломалось,— попросил Олег.

Алик перевернул экскаватор набок и сказал:

— Ручка не заводится.

Олег потянул торчащую из кабины пружину и вытащил ее.

— Отклепалась,— со знанием дела сказал он,— ну это поправимо. Если хочешь, мы можем починить. Только придется твой экскаватор забрать в школьную мастерскую.

— А надолго? — спросил Алик.

— Дня на два. Да ты не сомневайся. Мы вернем.

— Конечно, вернем, не сомневайся,— хором подтвердили артисты.

Алик подошел к висящему на стене календарю, подставил стул и, забравшись на него, перевернул два листка.

— Вот когда эта картинка с речкой и мостиком будет — принесете? — спросил он.

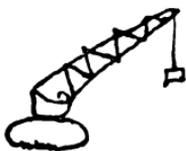
— Точно! — сказал Олег. — А если сомневаешься, мы тебе школьный телефон оставим. Можешь прямо директору звонить.

— Зачем ему звонить,— возразил Миша,— не принесем, он может моей маме сказать. Мы же соседи.

— Ладно,— согласился Алик,— я лучше тогда его маме пожалуюсь.

Минут через двадцать участники будущего спектакля торжественно внесли Алькин экскаватор в школьную мастерскую. Сразу в ход пошли отвертки, молотки, клещи-кусачки. И вскоре из красивой, сверкающей машины, экскаватор превратился в невзрачную кучу колесиков, винтиков и железок.

Олег раздал каждому детали, и ребята принялись мастерить из собранного накануне железа точно такие же, но гораздо больших размеров. Через день все детали были сделаны. Оставалось только собрать их. И тут Олег предложил усовершенствовать их экскаватор: заменить заводную

пружину настоящим бензиновым моторчиком. И еще он внес очень нужное предложение: убрать один из четырех роликов, на которых стоит кабина, и установить ее на трех.

Ребята не сразу поняли, для чего это Олегу понадобилось. Тогда он объяснил:

— Если мы поставим кабину на три ролика, один останется лишним, и он может пойти на другой экскаватор. Не у нас, конечно, а на заводе, где их выпускают. Представляете, какая от этого будет экономия металла при массовом выпуске.

У Сени Снежкова даже дыхание захватило от такой ценной мысли. Это же настоящее открытие. Он тут же закричал:

— Ура! Качать главного конструктора.— И ребята принялись качать Олега точно так же, как его полагалось качать по ходу пьесы.

— Вот и репетиция началась,— подбрасывая Олега, смеялись ребята.

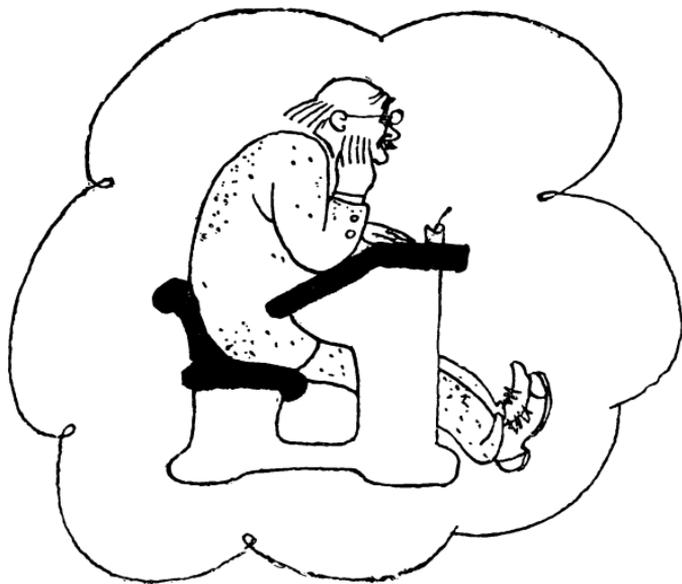
ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ

Ох, какой же это был тяжелый для Вовы день! Во-первых, ему ужасно хотелось спать — всю ночь в потолок проглядел. Только закроет глаза, сразу видит учителя истории, который вызывает его отвечать урок, а сам спрашивает:

— Скажи, пожалуйста, какое ты имел право ставить Ромашкину отметку. Может быть, ты займешь мое место и будешь вести урок, а я сяду за парту? — И Сергей Сергеевич сел за Вовину парту, а Вова выходил к учительскому столу и не знал, что делать.

Потом Вова испугался: надо же предупредить Тимку. А то он, чего доброго, увидит в журнале против своей фамилии четверку и скажет историкку, что он его еще не вызывал. Тогда все Вовины труды пропадут. И Вова решил поступить так: подойти перед уроками к Тимке и спросить его удивленно:

— Разве историк вызывал тебя?

Тимка, конечно, сам ужасно удивится. Тогда Вова скажет:

— А, понимаю! Сергей Сергеевич иногда ставит отметки, не вызывая. У него такой метод. Наверное, ему показалось, что ты активно работал на уроке. Вот он и поставил тебе четвертку. Поздравляю, — и Вова пожмет Тимке руку.

Да, хорошо себе представлять, как все будет, а сказать Тимке так язык не поворачивался. Вместо этого вот что получилось:

- Спрашивал тебя историк? — спросил Вова.
- Ты что, когда же он мог меня спросить? — ответил Тимка.
- Это верно... что я спрашиваю... будто сам не знаю.
- Хорошо, что не спросил, — добавил Тимка, — а то, сам знаешь, что было бы...
- Знаю, — буркнул Вова и еще больше расстроился. Даже не стал слушать Оксану, которая подбежала к нему и сказала:

— У нас в классе создаются бригады, которые будут следить за чистотой и порядком на нашей улице. Ты у кого в бригаде будешь: у Жоры, Сени Снежкова или у меня?

— Все равно у кого,— махнул рукой Вова, думая о своем.

Так он переживал до урока истории. Как только Сергей Сергеевич раскрыл журнал, Вова заглянул в него, чтобы сличить, написанную им четверку с четверками, которые ставит Сергей Сергеевич, и... оцепенел. Против фамилии Тимки никакой отметки не было. Значит, как ни рассеян Сергей Сергеевич, а подделку все-таки заметил и стер. Весь урок Вова сидел, точно на бочке с порохом. Боялся даже пошевелиться и посмотреть на учителя. Каждую минуту ждал, что он заговорит о стертой им отметке. Вдохнул только со звонком. Но едва вышел в коридор, еще больше разволновался. Их отрядная вожатая девятиклассница Наташа предупредила ребят не расходиться после уроков. Будет важный разговор. Вова стал блее мела. Конечно, разговор будет о подделке в журнале. Он не выдержал и сказал Оксане:

— Мне после уроков срочно домой нужно... честное слово... маме нездоровится...

— Если нужно, иди,— поверила Оксана.

Но Вова, конечно, домой не ушел. Остался ждать Васю с Тимкой на школьном дворе. Пусть его ругают, только бы не присутствовать при этом... И вдруг Вова испугался: «А что, если вместо меня все набросятся на Тимку. Ведь ребята

могут подумать, что это он поставил себе отметку. Вот так номер! — Вову даже в жар бросило. — Неужели надо идти в класс и признаваться?»

Вова помедлил, потом поднялся на крыльцо и взялся за ручку двери. Но тут дверь с шумом распахнулась, и Тимка с Васей чуть не сшибли его со ступенек.

— Что ж ты опоздал? — сказал ему Тимка. — У нас такой разговор был...

— Какой? — прошептал Вова.

— Пришла в класс Наташа и объявила, — начал рассказывать Тимка. — «Наконец-то, ребята, вы отличились, показали, на что вы способны!»

— Так и сказала? — ахнул с испуга Вова, даже не замечая, что его приятели улыбаются.

— Так и сказала, — кивнул головой Вася, а Тимка продолжал:

— «Наконец-то, — гово-

рит,— вы себя показали». И тут вошел директор...
Вова вздрогнул.

— Вошел, значит, директор, оглядел всех и сказал: «Очень рад за вас, ребята!»

— Ра-ад? — опешил Вова.

— Да. Очень! Молодцы, говорит, мы.

— Это почему же? — спросил Вова.

— Хорошо на стройке работаем. У него, оказывается, Платон Михайлович был. Вот директор и пришел нас похвалить. Сказал, чтобы мы старались. Строители какой-то сюрприз нам готовят.

У Вовы прямо гора с плеч свалилась.

— Фу-у! — перевел он дыхание и улыбнулся. А про себя решил: «Пока история со стертой отметкой не выяснилась, надо обязательно в чем-то отличиться. Тогда меня не так сильно ругать будут. Победителей, говорят, не судят».

БОЛЬШАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ

Случай отличиться представился очень скоро. На другой день в класс к пятиклассникам пришла делегация ребят из детского сада во главе с их воспитательницей. Самый круглощекий малыш забрался на учительский стул и сказал:

Мы ребята-дошколята,
Рано нам учиться.
Просим сделать нам площадку,
Мы хотим резвиться.

Пятиклассники захлопали в ладоши и обещали малышам расчистить перед детсадом площадку для игр, а когда наступит зима, сделать на ней большую гору.

Как только детсадовцы ушли, Оксана мечтательно сказала:

— Вот бы нам у строителей железные трубы попросить, которые с нового корпуса сняли. Из них замечательные качалки сделать можно.

— И турник можно сделать,— крикнул Миша Зотов.

— И параллельные брусья,— подхватил Сеня Снежков.

— Не дадут их нам,— вздохнула Рая Соркина.

— Дадут! — решительно заявил Вова.— Если хотите, эти трубы сегодня же у нас будут. Только скажите, сколько надо? Я обо всем договорюсь с Платоном Михайловичем.

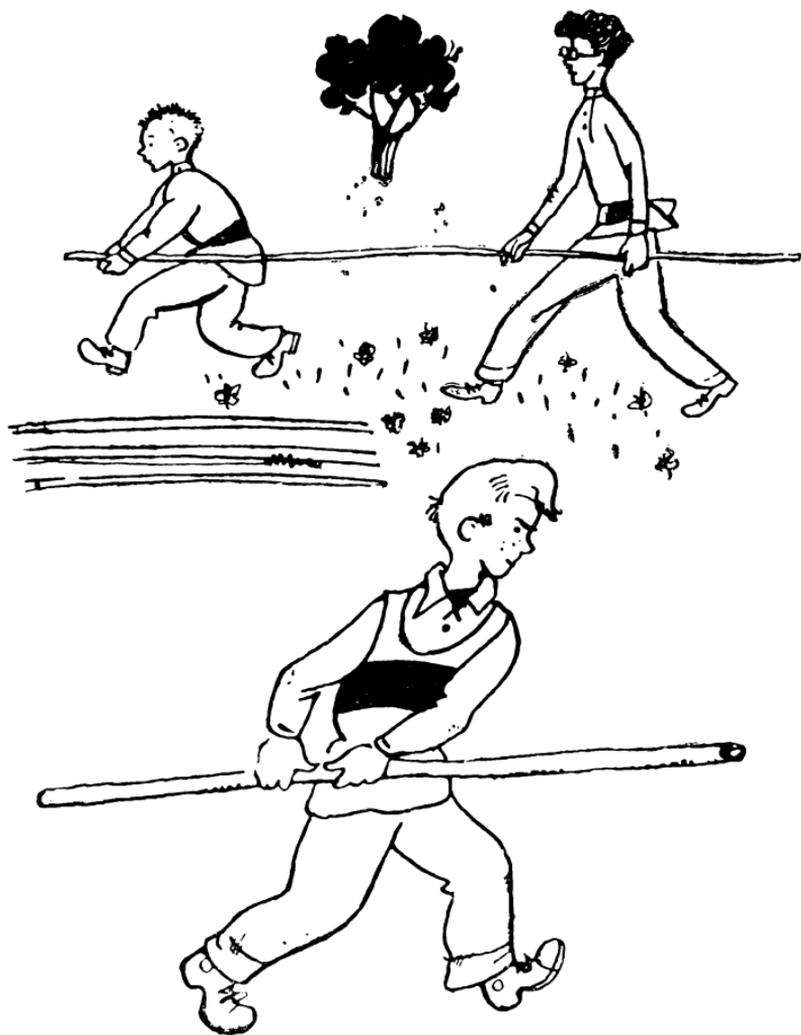
— Вот здорово! — обрадовалась Оксана.

Но после уроков, когда Пончик напомнил Вова, что надо бы сходить к прорабу и спросить о трубах, а то он кончит работу, Вова отказался:

— Очень нужно. Еще не даст, тогда Оксанка засмеет нас. Мы лучше без спросу возьмем. Что в самом деле! Сколько им помогаем, неужели десяток ржавых труб взять нельзя? Даже смешно! — И Вова пошел на стройку не сразу, а часа через три, когда там уже никого не было.

Вася остался недоволен Вовиным решением. И пока тот отбирал трубы, стоял без дела и ворчал себе под нос всякие неприятные словечки вроде: «не дело», «попадет нам». Но перетащить трубы на школьный двор все же помог. Закончив переброску труб, довольный Вова хлопнул Васю по плечу и побежал в школу звонить по телефону Оксане и Сене. Сеня был назначен руководителем работ по оборудованию будущей площадки для малышей.

— Эй вы, сонные тетери, приходите скорее к школе качать меня! — прокричал Вова в трубку

по очереди им обоим. Ему ужасно не терпелось похвалиться.

Первой прибежала Оксана. Вова встретил ее у входной калитки.

— Вот, полюбуйся! — широким жестом указал он на трубы. — Здесь и на турники, и на брусья, и на что угодно хватит.

Оксана так и запрыгала вокруг труб. Будь Вовка девчонкой, она расцеловала бы его: вот захотел и сделал хорошее дело.

— Во дворе трубы оставлять нельзя, — сказала она, — их ребята на металлолом растащат.

— Может, написать на дощечке, что трубы наши, — предложил подошедший Сеня, — а дощечку к трубам привязать?

— Тоже мне урок внеклассного чтения, — засмеялся довольный Вова. — Перенесем трубы временно к нам в сарай, и делу конец!

— Это надежнее, — согласился Сеня и тут же стал накладывать себе на руки чуть ли не все трубы. Ну и силач он все-таки!

Подведя ребят к сараю Алевтины Матвеевны, Вова отнял от его задней стены две доски и, юркнув в сарай, приказал оттуда:

— Передавайте мне трубы через это отверстие.

— А разве нельзя отпереть дверь? — спросила Оксана.

— От замков потеряны ключи, — не моргнув глазом, ответил Вова. — Без ключей я открывать не умею. Может, у тебя что получится?

— Вовка, — нагнувшись к щели, тихо сказал

ему Вася, — как бы нам не досталось за сарай от твоей соседки.

— Успокойся, — прошептал в ответ Вова. — Она уехала на целую неделю к своей сестре.

— Разве что... — неопределенно протянул Вася и вместе со всеми стал подавать Вова трубы в сарай через дыру.

Когда последняя труба исчезла и Вова вылез к ребятам, руководитель работ на детплощадке, Сеня Снежков, спросил:

— А Платон Михайлович интересовался, зачем нам понадобились трубы?

— Нет, не интересовался, — ответил Вова и подумал: «Разве я вру? Ведь он в самом деле не спрашивал, раз я ему ничего не говорил».

— И не спросил, для чего ты их просишь? — удивилась Оксана.

— Нет, не спросил! — дубовым голосом произнес Вова и с вызовом добавил: — Мы, если хочешь знать, его сами не спрашивали.

— Как — не спрашивали? — Оксане показалось, что она ослышалась. — Вы у начальника стройки спросили?

— Никого мы не спрашивали, — грубо отрезал Вова. — Зачем? Что они, от десятка труб обеднеют?

— Вдруг эти трубы им нужны, — заволновалась Оксана, — зачем же ты так сделал?

Вова помрачнел: странная эта Клякса-Вакса. Да никто даже не узнает, что они взяли трубы. Их там полным-полно валяется.

— Ты что, Чуркин, без головы? — забасил Сеня.— Нас же могут после этого на стройку не пустить.

«И этот туда же! — усмехнулся Вова.— Ну и люди! Для них же старался, а они недовольны».

— Сейчас же иди к Платону Михайловичу, скажи ему, что ты взял трубы без разрешения, и узнай, что делать,— потребовала Оксана.

— Зачем же я буду говорить, что взял,— возразил после некоторого молчания Вова,— сначала я спрошу, можно ли взять. Вдруг он скажет «можно», тогда все в порядке. Я и уйду, будто брать.

— Опять, значит, обманывать. Да Платон Михайлович нам этого ни за что не простит. Он же начальник коммунистической бригады. Разве он может терпеть обман?! — На глазах Оксаны блеснули слезы. Она хотела сказать что-то еще, но вместо этого махнула рукой и побежала со двора. Сеня пошел за ней.

— Ну и жизнь! — вздохнул Пончик, глядя им вслед.— И зачем тебе, Вовка, понадобилось отличиться?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

КОНЕЦ ФАЛЬШИВОЙ ОТМЕТКИ

Хоть и нехорошо получилось с трубами, но пережить можно. Спросит Вова у Платона Михайловича разрешение и выяснит: оставлять их или нести обратно. И делу конец. А вот сидеть на уроках истории для Вовы теперь настоящее мучение. Ну, почему Сергей Сергеевич молчит? Неужели задумал что-то? А вдруг не он стер эту отметку? Вдруг кто-нибудь в тот вечер следил за Вовой? Тетя Ньюша, например? Дала ключи и решила проверить, как Чуркин слово держит, не натворит ли что. Только тетя Ньюша сразу бы закричала: «Ах ты, негодник, клади журнал обратно!» Хуже всего, если Сергей Сергеевич решил, что отметку в журнал поставил себе новенький, то есть Ромашкин. Чего он стал так приглядываться к Тимке! Как в класс войдет, первым делом на него уставится. Тимке что, он знать ничего не знает. Ни истории, ни этого случая. А Вова на каждом уроке Сергея Сергеевича потом обливается.

«Нет, так больше продолжаться не может,— сказал сам себе измученный Вова,— надо признаться Сергею Сергеевичу».

Только перед этим Вова хотелось еще раз в спокойной обстановке посмотреть журнал. Если отметка стерта второпях, небрежно, значит, стер ее все-таки не учитель, а кто-то другой. Тогда признаваться Сергею Сергеевичу незачем. Он все равно ничего не знает. Нужно будет разоблачить того человека, который следил за Вовой и после него в журнал лазил. Поговорить с ним с глаза на глаз. Но, чтобы знать точно, что Сергей Сергеевич отметку не стирал, прежде всего надо было опять завладеть классным журналом. А как? Ведь его так просто ученикам не дают. Подумал Вова и сообразил, что ему делать. Завтра у них подряд два урока арифметики. Между ними большая перемена. Учитель наверняка не понесет линейку, счеты, свой портфель и классный журнал в учительскую. Оставит все на столе, под ответственность дежурного. Вот Вова и надо в это время завтра дежурить.

Утром в школе, Чуркин первым делом предложил тихоне Андрюше подежурить за него на большой перемене.

— Мне нужно в классе остаться... кое-что переписать... войди в мое положение,— попросил он.

— Дежурь, пожалуйста,— согласился Андрюша.

Но едва началась большая перемена, математик оставил на учительском столике свой порт-

фель, линейку и счеты, а классный журнал унес с собой. Вова посмотрел ему вслед и тут же сердито крикнул Андрюше:

— Нашел дураков дежурить за себя! — и выбежал в коридор.

Всю перемену Вова возмущался поведением учителя математики: «Безобразие! Никакого доверия нам не оказывает». А потом предпринял вот что: у него дома был большой лист хорошей чертежной бумаги. Вова красиво написал на нем: «Журнал пятого «А» и опять пошел в школу. Он хотел попросить у Евгении Федоровны разрешение обернуть их классный журнал. Тогда Вова и выяснит все, что ему нужно.

Евгению Федоровну Чуркин застал в учительской одну. Она клеила заметки на большой стенд стенгазеты учителей «Наши дети». Евгения Федоровна была редактором этой стенгазеты. Она так увлеклась своим занятием, что даже не обратила внимания, кто вошел в учительскую. Вова нерешительно потоптался в дверях. Вдруг скажет: «Положи бумагу, я сама оберну». Тогда опять все пропало. А сказать так Евгения Федоровна может. Она хоть и молодая, всего год назад окончила институт иностранных языков, но строгая. У нее на уроке лучше всех дисциплина. Как кто заговорит, сразу отвечать вызовет. Поневоле молчать будешь. Но сейчас молчать было нельзя, и Вова тихо кашлянул.

— С чем пожаловал? — отрываясь от стенгазеты, спросила Евгения Федоровна.

— Вот... обложку к нашему журналу сделал... из плотной бумаги...— несмело сказал Вова и показал разрисованный им лист.

Евгения Федоровна очень удивилась и вместе с тем обрадовалась поступку Вовы. Она даже сказала:

— Признаюсь, Чуркин, я этого от тебя не ожидала.

— Люблю порядок,— заливаясь краской, пробормотал Вова.

— А на уроках я за тобой этого не замечала.

— Еще не раскачался...

— Вот оно что,— улыбнулась учительница.— И долго ты раскачиваешься? К концу года успеваешь?

— Раньше раскачаюсь,— заверил Вова. Сейчас он был готов на любые обещания. Лишь бы журнал получить.

— Буду надеяться.

Евгения Федоровна еще раз посмотрела на лист бумаги, который держал перед собой Вова, и сказала:

— Ну что ж, бери журнал, будем работать вместе.

Вова бросился к шкафу, как уссурийский тигр на свою жертву. Взял журнал и положил его на самый край длинного учительского стола, чтобы сесть как можно дальше от Евгении Федоровны.

Наступило молчание.

Евгения Федоровна клеила заметки, а Вова

примерял журнал к новой обложке. Сначала закрытый, а потом раскрыл его на нужной странице и снова стал примерять. Только нацелился в конец страницы посмотреть, где Тимкина фамилия записана, Евгения Федоровна повернулась к нему и спросила:

— Как у вас дела с новеньким? Помогаете ему? '

— Помогаем,— закивал головой Вова и, будто случайно, закрылся от Евгении Федоровны бумагой. Опять весь покраснел.

— Ты требуй с него строго, как учитель с ученика,— сказала Евгения Федоровна и начала что-то писать в своей тетради.

Вова воспользовался этим, посмотрел в журнал... и чуть за голову не схватился. Все клеточки Тимки Ромашкина были пустые и чистые. Никакой отметки в них никто не стирал. Да и стирать-то было нечего. Четверка, которую написал второпях Вова, стояла на клеточку выше. Как раз против его фамилии. Ведь до прихода Тимки Чуркин был в списке учеников последним. Что же делать?

— Ты что приуныл, помочь тебе? — спросила Евгения Федоровна и подошла к Вове.

— Нет, нет, я сам! — Вова вскочил и случайно толкнул учительницу. И тут с ручки, которую она держала, упала на журнал большая, фиолетовая капля.

— Ой! — вскрикнула Евгения Федоровна.— Давай скорее промокашку.

Пока они искали промокашку, клякса в журнале расплылась и залила не только фальшивую отметку, а и ту настоящую, которую Вова получил, исправляя двойку. Но это его совсем не огорчило. Главное, все было покончено с фальшивой отметкой.

— Придется нам с тобой завтра каяться Сергею Сергеевичу,— покачав головой, сказала Евгения Федоровна.

— Придется,— с радостью согласился Вова.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

Чудесный экскаватор сделали участники будущего спектакля. Один ковш чего стоил. Он был величиной с пасть маленького бегемота. Как раскроется перед кем-нибудь, даже страшно делается. А с каким шумом экскаватор передвигался на своих гусеницах — прямо уши затыкай!

Ребята поставили его в слесарной мастерской, на самом видном месте. Там решили теперь и репетировать. Только на следующее утро пришел Миша Зотов в класс и спросил Олега:

— Куда вы экскаватор перенесли?

— Никуда не переносили,— ответил Олег,— в слесарке стоит.

— Нет его там,— сказал Миша и побледнел,— неужели похитили?

— Как — похитили?! — сорвался с парты Олег и крикнул ребятам: — Бежим, выясним.

Бросились участники спектакля в мастерскую, а за ними и Вова. Интересно ведь, куда мог экска-

ватор пропасть. В мастерской ребят встретил учитель труда.

— Василий Васильевич, как же это получается? Где экскаватор? — спросил Олег.

— Вот так и получается, — развел руками учитель, — идемте к директору.

«К директору? Значит, в самом деле пропал экскаватор», — подумал Вова и тоже пошел вместе с ребятами.

Вошли горе-артисты в кабинет директора и видят: незнакомый мужчина стоит перед их экскаватором и внимательно рассматривает его.

Не пропала, значит, их машина. Только зачем она здесь оказалась?

— Конструкторы в сборе, — сказал учитель труда незнакомцу. — Прошу вас.

Незнакомый мужчина оглядел собравшихся и сказал:

— На днях, ребята, на городской станции юных техников открывается выставка технического творчества. От вашей школы по рекомендации учителя труда мы берем на выставку эту модель. Должен сказать, что ваш экскаватор далеко не совершенен. В нем есть неточности и ошибки. Но меня он порадовал тем, что вы не просто скопировали его, а внесли в его устройство что-то свое, новое. Для конструкторов это очень ценное качество. Поздравляю вас!

Представитель станции юных техников подошел к ребятам и пожал каждому руку. Вова тоже. Ведь он не знал, что Чуркин прибежал сюда

из любопытства. После этого конструкторы вышли в коридор и стали толкаться и хлопать друг друга по спине, выражая этим свою радость.

— Вот как все обернулось,— сказал сияющий Олег,— думали быть артистами, а стали изобретателями. Может, нам еще что-нибудь сделать? Знаете, какая интересная машина электрический трактор. Ею можно управлять на расстоянии. И не одной сразу.

— А как же спектакль? — спросил тихоня Андрюша.

— Не состоится,— без сожаления ответил Олег,— ведь у нас теперь нет декорации.

— Ну и повезло вам,— сказал Вова,— сразу на городскую выставку попали.

Он побежал в класс и на первом же уроке, отгородясь «Ботаникой» от своей соседки Нины Астаховой, написал Тимке и Пончику одинаковые записки: «Все время думайте, что нам сделать на школьную выставку. Мы во что бы то ни стало должны завоевать на ней первое место!»

С Ю Р П Р И З

Происшествие с трубами окончилось благополучно. Строителям они оказались не нужны. И в субботу ребята снова отправились на стройку. Их попросили привести в порядок один из подъездов того самого корпуса, на котором Оксана с отцом увидели нарисованных углем человечков. Первым делом Оксана раздобыла краску и закрасила человечков. А вот с царапиной на двери дело обстояло хуже — ее закрасить не удалось. Уж очень была глубокая. Поохали ребята, но ничего сделать не смогли. После этого Оксана с Жорой написали плакат и прикрепили его на доску, которую рабочие повесили у подъезда. Первое объявление было обращено к будущим юным жильцам и выглядело так:

Ребята, следите за своим домом,
Пусть он всегда останется новым.

Когда порядок в подъезде был наведен, ребята позвали прораба, чтобы он принял их работу. Пла-

тон Михайлович осмотрел все лестничные клетки и сказал:

— Благодарю за помощь. Спасибо. Хочу также сказать вам вот о чем. Через месяц мы кончаем эту стройку и переходим на другую. Начнем строить для вас в центре города Дворец пионеров. В том дворце будет комната юных космонавтов. Вот мы на своем совещании и решили, пусть эту комнату строит под нашим руководством ваш пионерский отряд. Конечно, если к тому времени вы будете так же хорошо учиться.

— Будем! — закричали ребята.

— Не подведем!

— Еще лучше учиться станем!

— Вот и отлично! — заключил Платон Михайлович.

Домой ребята шли взволнованные. Стараться-то теперь как нужно! Вдруг пятый «Б» их опередит. Тогда он и комнату космонавтов будет строить.

— Как поедим, сразу за

уроки садимся,— строго предупредил Вова своих приятелей,— к тебе, Пончик, придем.

— Буду ждать,— с готовностью сказал Вася и побежал в свой подъезд. На двери в почтовом ящике что-то белело.

— Бабушка, дай скорее ключ! — крикнул Вася.— Наверное, письмо от папы.

Бабушка подала ключ. Маленький, блестящий замочек щелкнул, и в руках Васи очутилась красивая открытка со звездным небом и летящей космической ракетой. На открытке было написано:

«Уважаемый товарищ Вася Букин, напоминаем тебе, что в школе, на дружинном сборе, посвященном старту всесоюзных соревнований на лучший пионерский отряд, откроется выставка самоделок. Если ты любишь мастерить, то можешь принять в ней участие. С пожеланием успехов. Совет дружины».

Но не успел он кончить есть, как к нему прибежал Вова.

— Смотри, что мне прислали,— размахивая открыткой, похвастался он.— «Уважаемый товарищ Вова Чуркин». Читай!

— И я «уважаемый товарищ»,— с полным ртом солидно ответил Вася.

— И я! — появляясь на пороге, крикнул Тимка.— Я тоже открытку получил.

Вова сличил открытки друзей со своей и не без ехидства спросил:

— Что же вы, «уважаемые товарищи», будете делать на выставку?

— А ты что? — поинтересовались Вася с Тимкой.

— Еще не придумал. Но все дни голову над этим ломал.

— Вот и я тоже голову ломал, но ничего не придумал, — сказал Вася.

— Уж ты ломал, — усмехнулся Вова и тут же спросил вошедшую в комнату бабушку Васи: — Анна Арефьевна, вот если бы вас пригласили в школу на праздник юных мастеров, что бы вы к нему сделали?

— Испекла бы слоеный торт, — не задумываясь, ответила бабушка. — Вкуснее покупного пирожного вышел бы.

Мальчики знали, что слоеный торт был гордостью Анны Арефьевны. Но сейчас ответ бабушки их не устраивал.

— Нам надо такое сделать, чтобы всех ребят поразить, — сказал Вова. — Бродя Олега с драмкружковцами. Их экскаватор сразу на городскую выставку попал.

Начали думать, что сделать, но ничего интересного не придумывалось.

— По заказу думать трудно, — сказал Тимка.

— Может, ночью что приснится, — предложил Пончик.

— А если не приснится? — возразил Вова. — Уж лучше самим мозгами пошевелить.

Вова опять задумался, а Вася с Тимкой вопросительно уставились на него.

— Вы не ждите, а сами мозгами шевелите,— сказал Вова и тут же воскликнул:— Знаю!

— Что знаешь? — спросил Вася.

— Знаю, что нам делать.— Вова забегал по комнате, потирая руки.— Вот он — взлет фантазии! Ура!

— Ну что? Говори скорее! — потребовали товарищи.— Что придумал-то?

— Мы сделаем на выставку макет комнаты космонавтов. Той самой, которую будем строить.

— Для чего?

— Потом ее оформят по нашему проекту.

— А если не будут по нашему проекту оформлять? — спросил Вася.

— Если проект понравится, сделают,— убежденно подтвердил Тимка.

Мальчики тут же принялись фантазировать, какой они представляют себе комнату юных космонавтов в новом Дворце пионеров. Вова даже взял лист бумаги и стал рисовать макет будущей комнаты. На одной из стен он развесил портреты летчиков-космонавтов. Потолок изобразил в виде звездного неба. У дверей, с одной стороны, нарисовал Доску почета с именами лучших дружин их города. А с другой — стенд под названием «Наше будущее». На нем Вова нарисовал ракету, в которой весь их класс летит после окончания школы на Луну. Посередине комнаты Вова изобразил стоящую на колесах модель первого космического корабля «Восток-1». Рисовал Вова пло-

хо и поэтому каждый нарисованный предмет подписывал.

Когда рисунок был готов и Тимка с Васей как следует разобрались в нем, Вова попросил их зажмуриться и представить себе будущую комнату космонавтов по его проекту. Друзья зажмурились и... остались довольны. Комната космонавтов им понравилась. После этого по предложению Вовы мальчики расписали дни и часы, когда они будут делать свой макет. Ведь времени до открытия выставки школьных самоделок осталось совсем немного.

Надо было все учесть и рассчитать.

ЕЩЕ ОДНА НЕПРИЯТНОСТЬ

В воскресенье утром Вова прибежал к Васе не на шутку встревоженный.

— Что с тобой? — открывая ему дверь, спросил Вася.

— Алевтина раньше времени вернулась и наши трубы в сарае обнаружила! — сообщил он.

Вася досадливо причмокнул губами.

— Раскричалась, — продолжал Вова. — «Дай, — говорит, — людям палец откусить, так они руку съедят. Я Ромашкиным не для того сарай предоставила, чтобы его всякой ржавчиной заваливать».

— Она, значит, подумала, что Тимкин отец сарай трубами завалил? — спросил Пончик.

— В том-то и дело, — подтвердил Вова, — хорошо, что они все в кино ушли. А то она уже к ним звонила.

— Надо что-то предпринять, — сказал Вася, — пошли к Сеньке, посоветуемся.

Снежков приходу ребят обрадовался:

— Посмотрите, какую мне мать рабочую куртку шьет. Я в ней буду Дворец пионеров строить. Еще мастерок себе сделаю и совсем настоящим каменщиком стану.

— Погоди ты со своим мастерком, у нас неприятность,— сказал Пончик.

Узнав, что случилось, Сеня рассердился не на шутку.

— Так бы дал тебе, Чуркин, чтоб не обманывал. Всегда с тобой в историю попадешь. Хорошо, что трубы оказались уже не нужны. А то бы знаешь, как ты мог Платона Михайловича подвести. А сегодня Тимкиного отца подвел. Вот сейчас он вернется, и может скандал вспыхнуть.

— Конечно, может,— подтвердил Пончик.

— Надо до его прихода вашей соседке все рассказать,— потребовал Сеня.

— Пошли скажем,— со вздохом согласился Вова.

Ему очень не хотелось рассказывать о своей затее Алевтине Матвеевне. Ведь тогда она узнает про потайной вход и забудет его. Да еще матери пожалуется. Начнут вместе ахать, что из Вовы неизвестно кто вырастет. Очень приятно слушать!

Когда мальчики подошли к Вовиному подъезду, он вдруг заупрямился:

— Не пойду к соседке! Что хотите делайте!

— Пойдешь! — грозно прорычал Сеня. — Ведь на Тимкиного отца думают.

Неожиданно лицо Вовы приняло хитрое выражение.

— Знаю, что делать,— обрадовался он.— Ты, Пончик, покарауль здесь, чтоб Алевтина в сарай не пошла. А мы с Сеней сейчас все вынесем из сарая и наведем в нем порядок. Вот и дело с концом. Пусть думает, что это все ей померещилось. Она же в домовых верит.

— Неужели верит?! — удивился Сеня и сказал:— Тогда пошли. Только скорее, пока Тимкин отец не вернулся.

— А если Алевтина в сарай пойдет, ты, Пончик, свистни нам,— предупредил Вова.

— Не умею я свистеть,— сказал Вася.

— Ну тогда петухом покуракеуй. Только громко.

— Ты в своем уме?! — надулся Вася.— Что это я буду при твоей соседке кукарекать. Уж лучше я как-нибудь зарычу или филином ухну.

— Ладно, ухай филином, только удержи ее, чтоб мы убежать успели.

— Как задержать?

— Ну, поговори с ней,— сказал Вова.

— О чем? — испугался Пончик.

— Хоть о погоде,— предложил Вова.— «Какая сегодня хорошая погода. Не правда ли? Так и хочется выйти из дома погулять».

— Ох,— вздохнул Вася,— лучше я с Сеней в сарай полезу.

— Ничего не лучше,— возразил Вова,— ты целый час пролезаешь. Кряхтишь, как старик, Карауль здесь!

Вова и Сеня убежали. Вася проводил их тос-

кливым взглядом и начал прохаживаться по двору, поглядывая во все стороны.

Прошло минут десять. Во дворе никто не появлялся.

«Посмотрю, как у них дела идут»,— подумал Вася. Он сделал несколько шагов по направлению к сараю и вдруг услышал за своей спиной сладкий голосок Раи Соркиной:

— Ты что здесь делаешь, Пончик?

— Понимаешь, что у нас случилось,— начал было Вася, но, сообразив, что перед ним «беспроволочный телеграф», замолчал.

— Что случилось, где? — обрадовалась Рая.

— Да так... вообще,— замялся Вася и вдруг бухнул: — Сорока яйцо снесла!

— Ой, Васенька, где же это яйцо? Покажи! Я ни разу не видела сорочьих яиц,— затрещала Рая.

— Отстань! — отмахнулся Вася.

Рая прикусила губу и, прищурившись, сказала:

— Меня не проведешь. Затеял ты что-то. Ишь, как глазами-то стреляешь.

— Чего «затеял»,— передразнил ее Вася. Он уж был не рад, что заговорил с Раей.— Шла бы своей дорогой. Гуляю я, воздухом дышу.

— А вот и не дышишь, вот и не дышишь! — замотала головой Рая.— У тебя вид испуганный. Чего ты по сторонам озираешься?

— Кати отсюда! — неожиданно рассердился Вася и подскочил к Рае.

— И не покачу, и не покачу,— заспорила Рая.— Останусь и все узнаю.

«Мало того, что первая болтушка, еще и упрямая»,— подумал Вася и нарочно безразличным голосом сказал:

— Ну и оставайся, пожалуйста. Жди у моря погоды.

Спокойный тон Пончика немного охладил желание Раи остаться. Но, чтобы досадить Васе, она все-таки решила немного постоять с ним.

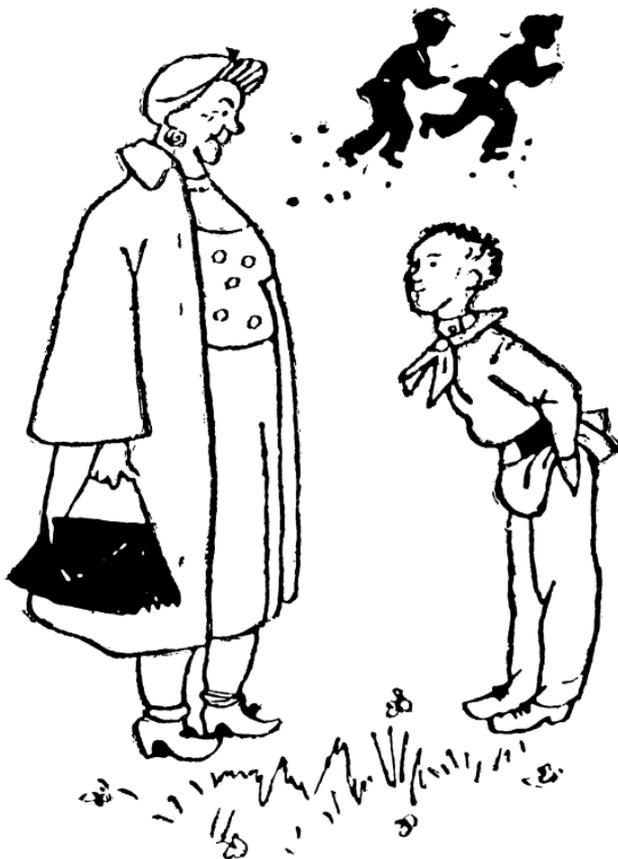
Вася посмотрел на нее, хмыкнул и зашагал по дорожке от сарая к дому. А Рая зашагала от дома к сараю. Встретившись на обратном пути, они молча отступили, каждый в свою сторону, и разошлись, метнув друг на друга взгляды-молнии.

Вася был человек уравновешенный, но упрямство Раи вывело его из терпения. Когда они поравнялись в третий раз, Вася не выдержал и сказал:

— Уходи подобру-поздорову, а не то я из тебя лепешку сделаю.

— Ой, Васенька,— пропела Рая, отбежав от него на всякий случай,— сделай, пожалуйста. Я еще никогда не видела себя лепешкой.

Вася стал примериваться, как бы ему напасть на Раю, чтобы сразу напугать ее и обратить в бегство, но тут хлопнула дверь Вовиноного подъезда и из него вышла Алевтина Матвеевна. Вася тотчас оставил Раю в покое и пошел навстречу Вовиной соседке.

— Здравствуйте, Алевтина Матвеевна,— изобразив на своем лице улыбку, сказал он.

— Здравствуй, здравствуй, — пробормотала Алевтина Матвеевна, направляясь, как показалось Васе, прямо в сарай.

— Алевтина Матвеевна,— крикнул Вася, обгоняя ее и пытаясь остановить,— вы это... какая сегодня погодка-то. А?

— Какая погодка? — не поняла Алевтина Матвеевна.

— Такая... безоблачная,— нашелся Вася,— хочется вам, наверное, погулять?

— Ты что это разговорился? — подозрительно оглядывая Васю, спросила Алевтина Матвеевна.— Уж не натворил ли что?

— И мне кажется, что он что-то натворил,— вмешалась Рая.— Вас про погоду спрашивает, а из меня хотел лепешку сделать. Очень странно ведет себя.

— Лепешка из тебя несдобная выйдет,— засмеялась Алевтина Матвеевна и, отстранив Раю с дороги, снова направилась к сараю.

— Ррр... ох-ты!.. Ууух-ух! — зарычал и заухал позади Вовиной соседки Вася.

Алевтина Матвеевна вздрогнула и обернулась:

— Ты что озоруешь? Ну, погоди, я твоей бабке нажалуюсь. Нет того, чтобы делом заняться. Посмотрел бы, как настоящие пионеры себя ведут.

— Где смотреть-то? — спросил Вася.

— Хоть у водопроводной колонки. Лужа там

была огромная. Я из-за нее даже в сухую погоду галоши надевала. А сегодня иду в галошах, а лужу-то ребята песком засыпают.

— Там бригада Оксаны Чернушенко хлопочет, — сообщила Рая.

— Вот это пионеры! — сказала Алевтина Матвеевна.

— А мы что? Мы тоже хорошие дела делаем, — заморгал глазами Вася и, увидя появившихся из-за сарая Сеню с Вовой, радостно добавил: — А ухал я не вам, а товарищам. Вон они идут.

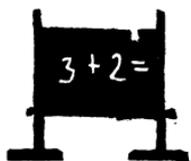
— Ишь ты! Смирный-смирный, а тоже рычит... я тебе! — погрозила ему пальцем Алевтина Матвеевна. И зашагала к сараю.

Рая, не увидя больше ничего интересного, убежала со двора. А мальчишки поспешили подкрасться к сараю с противоположной стороны и припали к щелям. Как раз в этот момент Алевтина Матвеевна, отгремев ключами, открыла скрипучую дверь сарайчика. В ту же минуту ребята услышали ее возглас:

— Господи! Что же это делается! Уж не привиделось мне все!

— Привиделось! — пробасил Сеня Снежков и со смехом первый побежал от сарая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ВИЗИТ ДИПЛОМАТА

Вот и подошла контрольная по арифметике. Завтра будет. Готовиться к ней с Тимкой и Пончиком Вова считал бесполезным. Разве за один вечер разберешься в том, что ребята три недели учили. А контрольную надо написать не меньше, чем на тройку. Пораскинул Вова умом и кое-что придумал: Пончик сидит за Мишей Зотовым и будет решать с ним одни и те же примеры. Миша отличный математик, и Пончик должен списать контрольную у него. Потом Пончик перешлет решение Вове. А уж Вова — Тимке. Но Тимка сидит в другом ряду. Значит, для того чтобы он решал те же примеры, ему надо пересесть. Удобнее всего ему поменяться местами с Андрюшей Хромым. Тогда Тимка будет сидеть прямо за Вовой. Тут уж и пересылать ничего не нужно. Положи тетрадь в сторону, он все и спишет.

Разработав такой план, Вова отправился к Андрюше. По дороге надо было бы забежать в ма-

газин. Мама велела купить масло. Но перед контрольной, когда дорога каждая минута, можно обойтись и без масла.

— Чем занят, труженик? — здороваясь, спросил Вова Андрюшу.

— Многозначные числа складываю, — ответил тот, — завтра ведь контрольная.

— Да, завтра, — притворно усталым голосом протянул Вова и пошутил: — Пять плюс пять — от двойки не убежать.

— А ты что не готовишься? — спросил Андрюша.

— Как — не готовлюсь! — усмехнулся Вова. — За этим и к тебе пришел.

Андрюша очень обрадовался. Засуетился. Пододвинул к своему столику второй стул.

— Садись, будем вместе разбираться. Я уже сочтательный закон повторил. Но ничего, еще раз пройду. Примеры вместе порешаем.

— Примеры — дело десятое, — отмахнулся Вова, — мне с тобой поговорить надо.

Вова посмотрел на Андрюшу долгим, испытующим взглядом, точно гипнотизер на свою жертву, и спросил:

— Ты хочешь, чтоб мы все написали контрольную без доек?

— Конечно, — закивал головой Андрюша, — а ты разве не хочешь?

— Спрашиваешь! — ответил Вова. — Сейчас нам получать двойки нельзя. До старта считанные дни остались. Одна двойка все испортить может.

— Может! — согласился Андрюша.

Вова еще раз посмотрел на Андрюшу испытующим взглядом и медленно проговорил:

— Завтра ты, как придешь в школу, пересядешь на место Тимки, а он на твое. По-нял?

— А зачем? — спросил Андрюша.

— Не догадываешься? — в свою очередь спросил Вова. — Чтобы я сидел с ним в одном ряду. Ясно?

— А... — неопределенно протянул Андрюша.

— Значит, пересядь! — приказал Вова и предупредил: — Только ты не специально пересаживайся, а будто тебе это место больше нравится или ты у стенки сидеть хочешь. Чтоб Оксанка ничего не подумала, — и, заговорщически подмигнув Андрюше, Вова пошел к Тимке. Нужно было предупредить и его.

Н Е О Ж И Д А Л И

Утром по дороге в школу Вова размечтался: «Как все-таки он много делает, чтобы у Тимки не было двоек. Другой и не подумал бы бежать вчера к Андрюше, договариваться. Лучше бы лишний час погулял. А Вова не может так. Раз обещал отряду помогать Тимке в ученье, расшибется, а поможет. Он не бесхарактерный Пончик».

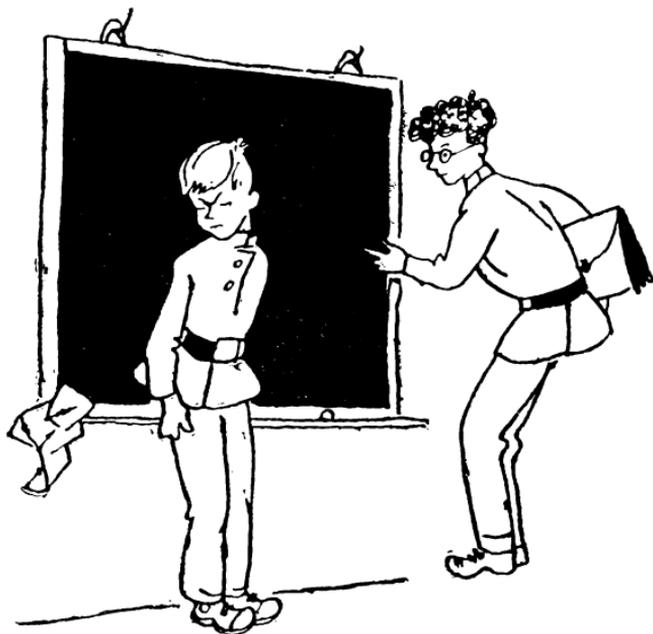
— Ты сразу на Андрейкино место садись,— входя в класс, напомнил Тимке Вова.

Тимка так и сделал. Сунул свой портфель в парту, за которой Андрюша сидит. А портфель не лезет. Там Андрюшины книги лежат.

— Эй, Хромой, держи свою макулатуру,— крикнул Тимка и хотел бросить папку с книгами Андрюше. А тот как подскочит к нему с поднятыми кулаками:

— Не тронь!

— Как это — не тронь? — удивился Тимка.— Вы ж договорились. Забыл, что ли?

— Не тронь! — снова выкрикнул Андрюша и весь задрожал. — Не пересяду я.

— Ты в уме! — еле сдерживая злость, спросил его Вова. — Сейчас контрольная начнется.

— И пусть! — дрожал Андрюша. — Если бы просто так, пересел, а для обмана не...

— Не дури! — оборвал его Вова.

Но их уже окружили ребята.

— Из-за какого обмана? — сунулась Райка Соркина.

— Выкладывайте, что затеяли,— потребовал Сеня Снежков.

— И скажу! — решился Андрюша.

Вова показал ему кулак и прошипел, как индюк:

— Попробуй только!

— Не боюсь вас! — выкрикнул Андрюша.

— Говори! Не бойся! Ничего они не сделают, — зашумели ребята, — говори!

Но тут вошла в класс дежурная Нина Астахова и объявила:

— Контрольной не будет. Иван Петрович заболел. У нас свободный урок.

— Вот и пересаживаться незачем, — пошутил Тимка, — а ты шумел! — Он хотел разрядить обстановку, а получилось еще хуже.

— Вот они зачем Хромова пересаживали, чтоб новенький мог контрольную списать, — ахнула Оксана.

Что тут началось! Одни накинулись на Вову с Тимкой, другие хвалили Андрюшу за честность и храбрость. А возмущенная Оксана потребовала, чтобы ребята немедленно обсудили позорный поступок Чуркина. Вова так и подпрыгнул на парте, точно ужаленный. Слово-то какое подобрала — «позорный»! А Оксана продолжала:

— Раз Чуркин хотел пересадить Ромашкина, значит, они слабо подготовились к контрольной.

— Нет, не слабо! — закричал Вова. Теперь кричать было безопасно: контрольной-то не будет.

— А вы докажите это,— сказал Олег,— решите хоть такие, нетрудные примеры.

Он взял мел и в наступившей тишине написал на доске несколько трехзначных чисел, поставив между ними знаки «плюс» и «минус».

Вова ужасно возмутился. На каком основании им устраивают экзамен? Что Олег, учитель, что ли? Он хотел нагругить, прикинуться обиженным. Но Вася, который стоял рядом с ним, точно телохранитель, одернул его:

— Чего спорить. В самом деле не знаем.

— Они сами уроки не учат и Тимку сбивают,— сказал Андрюша Хромов,— больше я им ни за что уроки списывать не дам!

— А ты давал?! — ажнула Оксана.

— Всего-то один раз,— буркнул Вова.

— Приходят чуть свет в школу и кляччат,— добавил Миша Зотов,— ни стыда, ни совести!

Оксана совсем расстроилась.

— Мы вам такое важное поручение дали,— сказала она,— а как вы к нему отнеслись?!

«Надо же! «Как отнеслись?!» — усмехнулся Вова. — Да у него, может, потому и времени на уроки не хватает, что все думает, как Тимку вытянуть да учеьем заинтересовать. А тут такая критика. Не ожидал Вова этого».

— Чуркина с Букиным нужно штангой по голове стукнуть, чтоб в сознание пришли,— сказал с места Сеня Снежков.

«Глупость сказал,— подумал Вова,— стукнуть

штангой, так можно совсем сознание потерять». А Миша Зотов поддержал его.

— Чуркин и Букин несознательные, не настоящие пионеры, — заявил он. — Если так будет продолжаться, им не к лицу носить красный галстук.

Вова сегодня пришел без галстука. Но уж теперь-то он его не забудет надеть. Назло Мишке. Ишь, что выдумал. Ему, белобрысому, галстук к лицу, а Вове с Васей нет. Вова не выдержал и сказал в отместку:

— Ты тоже давал Пончику уроки списывать!

— Каюсь, давал, — признался Миша, — совершил отрицательный поступок. Больше не повторю.

За Мишей выступила прошлогодний председатель совета отряда Вера Толкачева. Она все записала на бумажку и принялась отчитывать Чуркина по шпаргалке.

— Правильно говорят, Чуркин главный заводела, — прочитала Вера, — он сбивает Букина и Ромашкина.

Вова хотел опять взвиться, но Тимка и Пончик крепко держали его за куртку.

— Сиди, как мышь перед кошкой, — шепнул Тимка.

— На мой взгляд, — продолжала читать Вера, — Чуркин не может подтягивать новичка. Тиму необходимо перекрепить. Кроме того, я вношу предложение совету отряда объявить Чуркину, как главному виновнику, строгий выговор.

«Как главному виновнику», точно в суде. От-

рядный прокурор!» — И Чуркин потребовал слова. Поднялся решительно из-за парты, а что хотел сказать, не знает. Никак не найдет зацепку, чтоб хоть чуть-чуть оправдать себя.

— Садись, — подождав немного, сказал Тимка, — молчание — знак согласия.

Вова сел и еще больше рассердился на себя.

И тут попросил слово Жора Мешалкин. У Вовы дух захватило. До чего ж хитрый человек! Ждал, когда все выскажутся, чтоб выводы сделать и свое мнение ребятам навязать.

Жора начал говорить не сразу. Сначала, не торопясь, оглядел пунцового Вову. Так оглядел, словно в первый раз видел. А потом покачал головой и сказал с расстановкой:

— «Держался Авоська за Небоську, да оба в яму упали». Лежат и подниматься не думают. — Жора сделал небольшую паузу и продолжал: — А подниматься надо. И мне кажется, Чуркин может подняться сам, без нашей помощи. Я говорю так потому, что подметил за ним неплохие черточки.

Этого Вова услышать от Жоры никак не ожидал. Даже показалось, что ослышался.

— Что ж в нем хорошего? — спросил кто-то из девочек.

— А кто позвал нас работать на стройку? — спросил в свою очередь Жора и сам ответил: — Чуркин. Кто хорошо пересдал историю? Вовка! И за Тимку он переживает. Правда, пока не так, как надо, но переживает. Верно, Чуркин?

В ответ Вова только тихо кивнул головой. До того он был удивлен выступлением Жоры.

— Поэтому я против, чтобы Тиму от Чуркина открепляли, — продолжал Жора. — Вовка — пионер и решение совета отряда должен выполнять, как военный приказ. А не выполнит, вот тогда пионерский галстук ему в самом деле не к лицу.

— Правильно! — поддержала Оксана.

А Олег сказал:

— Что ж ты за Чуркина отвечаешь? У него самого язык есть.

Хотел Вова сказать Оксане и Жоре спасибо за то, что поддержали его, да опять не смог. Какой-то противный комок к горлу подступил. Хорошо, звонок с урока выручил, а то разревелся бы, как девчонка.

ТАК БОЛЬШЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ!

Хоть и говорят, что беда объединяет, но Вова после всего случившегося хотелось побыть одному. Со школьного двора он вышел вместе с Тимкой и Пончиком, но вдруг зашагал не к их дому, а совсем в другую сторону.

— Куда ты? — крикнул Тимка.

— Не твое дело! — не оборачиваясь, сказал Вова.

Прятели потоптались немного на месте. Идти за Вовой или нет?

— Переживает... — решил Тимка.

— Он всегда так, — глядя вслед Вова, проговорил Пончик. — Пусть остынет. — И они пошли к дому.

А Вова все шагал и шагал по улице. В конце улицы был городской парк. Войдя в него, Вова хотел присесть на скамейку, но день был хороший, и свободной скамейки не оказалось. Вова огляделся и пошел по газону в глубь парка. Сей-

час ходить по газонам уже разрешали. Трава пожелтела и стала вянуть. Листья под ногами валялись целыми охапками. Невеселое время осень. Вове тоже было невесело. Прямо не знал куда деть себя. Чужих людей и то видеть не хотелось. Вова с силой поддал ногой ржавую консервную банку. Она так и зарылась в куче желто-грязных листьев. Сильный удар! Только куда сильнее ударили его сегодня одноклассники. Не кулаками ударили. Кулаками — что, он бы сам сдачи дал. А они словами били, да еще справедливыми. Тут сдачи не дашь. Такие слова жгут человека, как раскаленный песок на речке. Вова громко, с шумом выдохнул из себя воздух. Хотелось вместе с ним выдохнуть и все неприятности. Но не получилось. Даже еще тяжелее стало. Точно неприятности от сердца к горлу подвинулись. Встали комом и ни с места. Вот ведь и контрольной не было, и двойки они не получили (можно сказать, повезло!). А так скверно Вова себя еще никогда не чувствовал. Видно, не в двойках дело. Хитрить, оказывается, плохо. Вот что! Целые дни после волнуешься. Поживешь так до Нового года и поседеешь от переживаний. Один сегодняшней сбор чего стоит! Все на Вову накинудись, точно пчелы в улье. А он разве не такая же пчела?

«Нет, не такая», — разубедил сам себя Чуркин. И вспомнил, как еще в четвертом классе учительница рассказывала им про пчел, которые ничего не делают: мед не собирают, ульи не сторожат. Только едят. Таких пчел называют трутнями. Так

вот он, Вовка, со своими дружками для их класса эти самые трутни и есть. Разве не обидно?! Ну, Вовка, может, еще не совсем трутень. Он все-таки старался, чтоб Тимка двойки не получал. Старался, а весь класс против него встал. Значит, не так, как надо, старался. Удивительно! В прошлом году иногда он с Пончиком у кого уютно уроки списывал, и ребята совсем не сердились... А сегодня вон какой шум подняли. Видно, выросли и понимать стали больше. Они — больше, а Вовка, выходит, меньше, раз ложным путем хорошие отметки добывать вздумал. Сколько времени на то ухлопал! А что толку? Занимались бы они с Тимкой и Пончиком как следует, уже кучу хороших отметок имели бы. Все рады были бы. Как-то Сергей Сергеевич сказал, что плохая отметка огорчает учителя больше ученика. Значит, и хорошая радует больше. Да что говорить! Разве ботаничка не была довольна, когда Чуркин получил четверку за дикорастущие травы? И не только ботаничка. Олег тоже весело подмигнул Вова. И Оксана на перемене ему улыбнулась. Даже Жорка во время Воинового ответа головой одобрительно кивал. Жорка... а он, оказывается, справедливый. И как Вова до сих пор не замечал этого? Если бы не Мешалкин, Вова прямо не знал, куда ему деться. А как он испугался, когда Жора из-за парты поднялся. Думал, живого места на нем не оставит. А Мешалкин на его защиту встал. Вот тут и разберись в товарищах. Не так-то это просто. Пока Чуркину одно ясно: так дальше

жить нельзя. И Пончика с Тимкой нужно в руках держать. Требовать с них все так же строго, как учитель с учеников. Это Вова Евгения Федоровна велела. Послушал бы он ее тогда, в учительской, все хорошо было бы. Ну, ничего, Вова теперь так поступит. Раз он «заводи́ла» и Тимка с Пончиком под его дудку пляшут, пусть попляшут еще. Да так, чтобы все ребята, а вместе с ними и Евгения Федоровна опять назвали бы Вовку «заводи́лой». Только уж на этот раз в другом смысле.

ВОВИНА БУХГАЛТЕРИЯ

Пончику с Тимкой тоже было не по себе. Посидели они молча во дворе, на бревнах. Потом пошли к Тимке. У него на диване посидели. А от Тимки к Воле пошли. Надо же узнать, что он намерен делать. Может, придумал, как им отличиться, чтоб ребята не так сердились. Пришли Тимка с Пончиком к Воле и видят: сидит их командир за столом и пишет на большом листе бумаги какие-то цифры. Сперва крупные, а потом все мельче и мельче. Наверное, решил, что на все цифры ему листа не хватит. Увидел Вова своих друзей и показал им исписанный лист:

— Вот, полюбуйте! За три недели ученья мы потеряли сто шесть часов.

— Как — потеряли? — не поняли приятели.

— Ни делом не занимались, ни отдыхом, — сказал Вова, — будто этих часов у нас не было. Если так пойдет дальше, — Вова указал на другой столбик цифр, — в год мы потеряем одну тысячу сто двадцать часов. А если мы проживем лет восемь-

десять, то у нас из-за такого поведения могут пропасть восемьдесят девять тысяч шестьсот часов.

— Да ну! — удивились Тимка с Пончиком.

— Точно! — подтвердил Вова и разделил полученную сумму на двенадцать. Получилось 7 тысяч 466 с половиной дней или (новые подсчеты) 20 лет 5 месяцев и 16 дней.

— Ужас! — ахнул Пончик. — Больше двадцати лет пропадет.

— Значит, мы и проживем не восемьдесят лет, а только пятьдесят девять, — сказал Вова, — представляете, какая могла получиться катастрофа!

Он пришил листок с расчетами к стене над столом и объявил:

— Давайте заниматься. Больше так жить нельзя!

— У тебя же мать дома, — шепотом напомнил Пончик.

— Мать ученью не помеха! — отрезал Вова и раскрыл портфель с учебниками.

— Может, сначала установим железные сроки, в которые мы подтянемся, — предложил Тимка.

— Нет уж, — решительно возразил Вова, — сперва приготовим уроки. А то пока подсчитаем, еще время уйдет. А я больше не хочу зря терять его.

— И я не хочу, — согласился с ним Пончик.

— А я что, рыжий?! — сказал Тимка и тоже полез в портфель за учебником.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Всем! Всем! Всем! . . .	3
Глава 2. Учебомометр не нужен . . .	10
Глава 3. Лисичкин действует . . .	23
Глава 4. Не везет!	27
Глава 5. Вова и Вася становятся зоологами	34
Глава 6. Что же делать?	42
Глава 7. Знакомство	48
Глава 8. Отчего взрослым иногда бывает больно	54
Глава 9. «Помощники»	59
Глава 10. Выручил!	65
Глава 11. Перед смертью не надыхишься	68
Глава 12. Одиночество	75
Глава 13. Как друзья уроки делали	81
Глава 14. Канатоходцы	84
Глава 15. Новая затея	92
Глава 16. Носом к носу	95
Глава 17. Ничего особенного	101
Глава 18. Тайный план Вовы Чуркина	105

Глава 19. Как в пьесе	110
Глава 20. Тяжелый день	115
Глава 21. Большая неприятность .	121
Глава 22. Конец фальшивой отметки	127
Глава 23. Представление отменяется	133
Глава 24. Сюрприз	136
Глава 25. Еще одна неприятность .	142
Глава 26. Визит дипломата . . .	150
Глава 27. Не ожидали! :	153
Глава 28. Так больше жить нельзя! .	160
Глава 29. Вовина бухгалтерия . .	164

Для детей младшего и
среднего школьного возраста

Юрий Иванович Ермолаев

СТО ШЕСТЬ ПРОПАВШИХ ЧАСОВ

Редактор **К. К. Покровская**
Худож. ред. **М. В. Таирова**
Техн. ред. **В. А. Авдеева**
Корректор **Л. П. Королева**

Издательство «Советская Рос-
сия». Москва, проезд Сапу-
нова, 13/15.

Сд. в наб. 22/X-64 г. Подпи-
сано к печати 22/I-65 г.
Формат бум. 70×108 ¹/₃₂. Физ.
печ л. 5,25. Усл. печ. л. 7,19.
Уч.-изд. п. л. 5,6. Изд. инд.
ДЛ-371. А03914. Тираж 100 000
экз. Цена 30 коп. в перепле-
те. Тем. план 1965 г. № 292.

Книжная фабрика № 1 Рос-
главполиграфпрома Государ-
ственного комитета Совета
Министров РСФСР по печати,
г. Электросталь Московской
области, Школьная, 25. Заказ
№ 293.

30 коп

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ